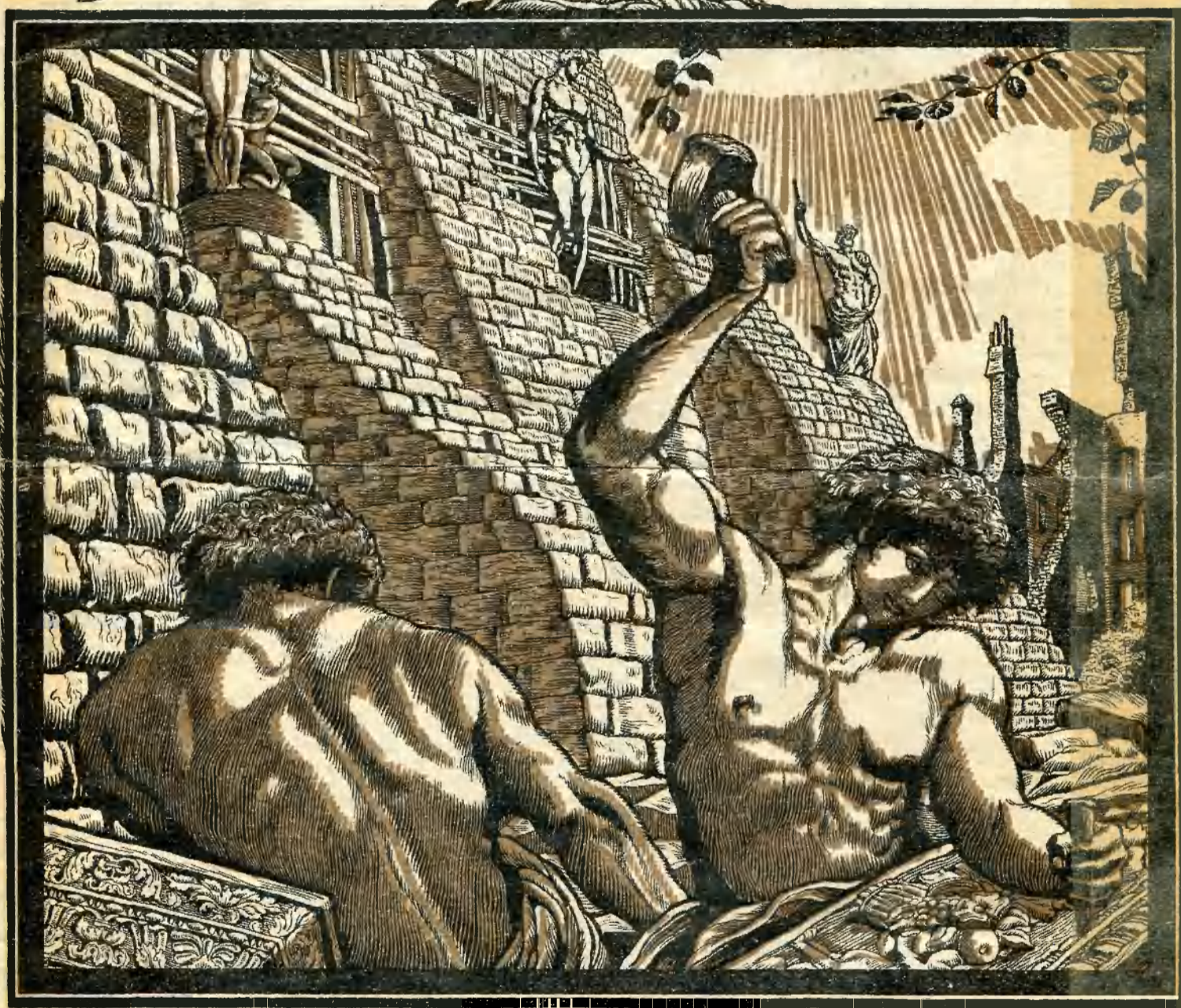

11295
ГОЛОСЪ

ЖИЗНИ

1915

№ 19

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
И ЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Р
Цена № 12 коп.

На ст. ж. д. — 15 к.

СОДЕРЖАНИЕ № 19.

Обо всемъ. „Бифуркации и концентры“, „Вялая перебранка“, „Закрытие сезона“.

С. Дубнова-Эрлихъ. „Л. Перець“ (статья).

Георгій Адамовичъ. „У самага моря“ (статья).

М. шагнянъ. „Голова Медузы“ (разказъ).

Александръ Толмачевъ. „Послушайте“ (статья).

Инголь Крайний. „Мой post-scriptum“ (статья).

С. раничка стиховъ: Николая Бруни, М. Струве, Николая Адуева.

Николай Слонимскій. „А. Н. Скрябинъ“ (статья).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. **Борисъ Кремневъ.** „Письма со стороны“ (III).

Иванъ Чернохлѣбовъ. „Критика съ погоста“. **Старый читатель.** „Находка“.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

РИСУНКИ: **Н. Альтмана** (стр. 9). **А. Щенотихиной** (стр. 7).
Л. Перець съ женой и С. Ан—ски (стр. 3). Яковъ Динезонъ, ближайшій другъ Л. Переца (стр. 4). Л. Перець и С. Ан—ски (стр. 5).

Военныя иллюстраціи: „Землянка командующаго (Франція)“ (стр. 1). „Панорама Константинополя“ (стр. 10 и 11). „Аттак алжирской конницы“ (стр. 13). „Раздача подарковъ“ (стр. 15 и 16). „Питательный пунктъ“ (стр. 17). „Развлеченія выздоравливающихъ въ английскомъ госпиталѣ“ (стр. 19).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Съ 1-го мая приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ течение мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирещикъ, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайний, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитинскъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагнянъ, Викторъ Шкловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нежитайло-Адресникъ, Е. Поповъ, Б. Позенъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щенотихина, В. Яннауреръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами и полного собранія сочиненіи Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разерочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненіи Л. Н. ТОЛСТОГО).

Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разерочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.

Заявленія о неполученіи очередного номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Въ Анц. О-вѣ Издательства А. А. НАСПАРИ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ. КАТАЛОГЪ
высылка БЕЗПЛАТНО.

Лица, подписывающіеся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненіи Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненіи) или 50 (собраніе ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеніи). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соответственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

**Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ
СОХРАНЯТЬ АДРЕСА**

наклеиваемые на оболочку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоряетъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованіи.**

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 19

6 мая 1915 г.

Землянка командующаго. (Франція.)

ОБО ВСЕМЪ.

Бифуркація и концентры.

Кто бы могъ подумать, что эти два тарбарскихъ слова обозначаютъ различныя направленія въ реформѣ русской средней школы! Однако это такъ. Бифуркація и концентры не сходятъ съ газетныхъ столбовъ, заранѣе приводя въ тре-

петъ второклассниковъ, которымъ грозитъ переэкзаменовка. Ужь если при старыхъ условіяхъ они не сумѣли спастись отъ двоекъ, что же будетъ при „бифуркаціи“?! Въ связи съ новыми проектами, „Русскія Вѣдом.“ очень кстати приводятъ маленькую историческую справку: „Съ начала нынѣшняго вѣка не было недостатка въ соответственныхъ законода-

тельных проектахъ. Въ 1901 году г. Боголюбовъ закончилъ свои „Уставъ гимназій и прогимназій“, но смерть не дала ему внести свою работу въ Государственный Совѣтъ. Его же преемникъ, г. Ванновскій, сдалъ боголюбовскій уставъ въ архивъ и въ 1902 году представилъ новое „Положеніе о мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ“. Занявшій его мѣсто г. Зенгеръ остановилъ съ своей стороны движеніе этого проекта и взамѣнъ выработалъ къ 1904 году собственный „Уставъ гимназій, прогимназій и приготовительныхъ школъ“, который при министерствѣ г. Глазова тоже былъ отвергнутъ. Ген. Глазовъ также нарядилъ комиссію, которая однако не успѣла окончательно спроектировать еще одно „Положеніе о подготовительныхъ школахъ и гимназіяхъ“, какъ паденіе министра затормозило дѣло. Съ большой энергіей принялся за разработку плана коренного переустройства средней школы г. Герасимовъ при министерствѣ г. Кауфмана, но переходъ власти въ 1908 году въ руки г. Шварца свелъ результаты его труда на-нѣтъ. Срока, который г. Шварцу было суждено пробыть министромъ, ему хватило, чтобы внести въ Государственную Думу тщательно выработанный проектъ гимназической реформы, но и его постигла общая злая участь: г. Кассо немедленно по вступленіи въ должность потребовала законопроектъ обратно, чтобы глубоко засунуть его подъ сукно“.

Много очень существенныхъ и важныхъ проектовъ пережили подобную же многотрудную исторію. Напомнимъ хотя бы о реформѣ прихода. 21-го дек. 1907 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ поручено св. синоду разработать проектъ въ ближайшую очередь. 10-го сент. 1908 г. оберъ-прокуроръ Извольскій внесъ проектъ въ совѣтъ министровъ. С. М. Лукьяновъ взялъ его обратно, измѣнилъ и внесъ снова 31-го октября 1910 года. Новый оберъ-прокуроръ, В. К. Саблеръ, опять его взялъ обратно изъ совѣта министровъ и въ августѣ 1911 г. передѣлалъ его кореннымъ образомъ.

Если до войны такіа „замедленія“ казались нормальными и всѣ къ нимъ привыкли, то теперь продолженіе прежняго образа дѣйствій было бы совершенно недопустимымъ. Лучше было бы не поднимать вопроса о реформѣ средней школы, нежели поднимая опять положить его подъ сукно. Все, что парализуетъ энергію страны, тушитъ ея активность, все, что подрываетъ вѣру въ возможность какой бы то ни было реформы, есть политика разрушенія, а не созиданія. „Есть вѣра въ школу, — говорятъ „Русск. Вѣд.“, — и школьное ученіе оказывается плодотворнымъ, исчезла эта вѣра — и тотъ же учебный матеріалъ, и тѣ же дидактическіе приемы только мертвятъ ученическую душу“.

Этотъ тезисъ можно расширить. Есть вѣра въ реформы

вообще — есть и энергія, есть активная работа на пользу общую — есть увѣренность и въ конечной побѣдѣ. Нѣтъ этой вѣры — начинается параличъ.

Вялая перебранка.

Вотъ уже больше недѣли двѣ петроградскія газеты „Рѣчь“ и „День“ вяло перебраниваются на тему, затронутую въ прошломъ номерѣ „Голоса Жизни“. „День“ занимаетъ позицію „Голоса Жизни“ и обвиняетъ партію к.-д. въ „воздержаніи“. „Рѣчь“ оправдывается. Споръ очень серьезный, принципиальный. При сложности вѣшнихъ условій печати онъ неспособенъ развиваться нормально. Но тѣмъ болѣе желательно, чтобы споръ о „теперь или послѣ“ не вырождался въ вялую перебранку. Для читателей неинтересно, кто изъ газетныхъ обозрѣвателей болѣе искусно владѣетъ словеснымъ фехтованіемъ. Для него важно знать соотношеніе внутреннихъ реформъ и вѣшной борьбы. Вялой перебранкой на этотъ вопросъ не отвѣтишь.

Закрытіе сезона.

30-го апрѣля казенные театры закрылись, сдѣлавъ свое дѣло. И снова намъ грозятъ всякіе „буффы“, „зкварумы“, жонглеры и „давы“. „Дивы“ мѣстнаго происхожденія и безъ крѣпкихъ напитковъ.

Можно защищать точку зрѣнія, что теперь не до развлеченій. Теперь времена суровыя.

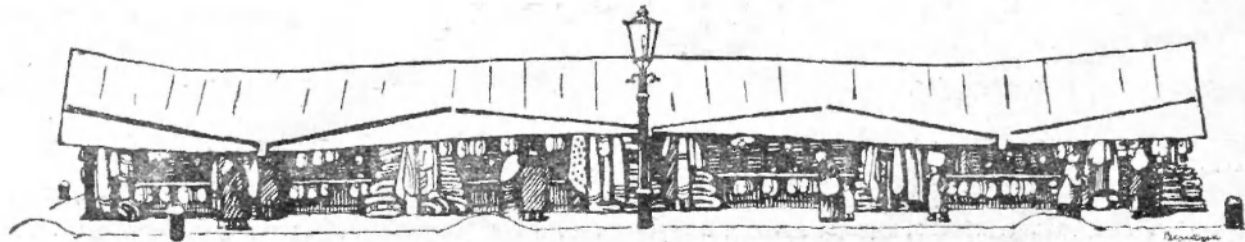
Но тогда и зимой развлеченія были вредны. Однако врядъ ли можетъ быть два мнѣнія о томъ, что именно „буффы“ и жонглеры теперь менѣе всего умѣстны.

Снасяютъ положеніе москвичи. Они нынче прѣзжаютъ поздно, остаются почти до юня, и интеллигентному челоу-вѣку, желающему хоть одинъ вечеръ провести около искусства, есть куда пойти.

Къ сожалѣнію легче попасть въ царство небесное, нежели на спектакли Московскаго художественнаго театра.

А казенные театры, въ числѣ причинъ закрытія сезона, приводятъ „недостатокъ сборовъ“. Но, во-первыхъ, казеннымъ театрамъ не пристало гнаться за сборами, а, во-вторыхъ, почему же у москвичей всегда полныя сборы? Прежде функционировалъ хоть Красносельскій театръ для специальной публики, но все-таки артисты казенныхъ театровъ работали. Нынче этого театра не будетъ, и на четыре мѣсяца весь сложный аппаратъ казенныхъ театровъ погрузится въ небытіе. Даже событія нынѣшняго года не прошибли затхлои атмосферы неисправимыхъ чиновниковъ.

В. Ж.

Л. Перецъ съ женой и С. Ан-ски.

С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ.

Л. ПЕРЕЦЪ.

Около мѣсяца тому назадъ умеръ въ Варшавѣ Исаакъ Лейбъ (Леонъ) Перецъ. Тяжелый ударъ нанесла его смерть молодой, недавно окрѣвшей ново-еврейской литературѣ. Среди творцовъ этой литературы были и есть не менѣе талантливые, но не было болѣе пламеннаго, болѣе настойчиваго въ исканіи новыхъ путей. Справедливо сказали о немъ вдумчивый критикъ: „Перецъ—это не еврейскій литераторъ; это—еврейская литература“. На распутьѣ всѣхъ дорогъ, въ средоточіи всѣхъ чаянн и исканій молодого еврейства стояла эта своеобразная фигура поэта, публициста, общественнаго дѣятеля, вѣчно болѣвшаго „святымъ недовольствомъ“. Въ стремительномъ творчествѣ своемъ смѣшивалъ Перецъ всѣ литературныя формы, всѣ стили, всѣ идейныя направленія: отъ трезваго рационализма кдался къ глубинамъ мистики, отъ реализма—къ символизму, лирическими всплывками смущалъ ровное теченіе эпоса, на необузданный юношескій лиризмъ надѣвалъ вериги строгаго и зрѣлаго эпического повѣствованія: порывался учить народъ и учиться у народа; съ исключительной чуткостью воспринималъ всѣ вѣянія европейской литературы и съ меньшей чуткостью прислушивался къ темному, шепоту народной души, идущему изъ глубинъ гетто. И во всѣ увлеченія вносилъ одинаковую страстность, и на каждомъ шагѣ выявлялъ основную черту своей натуры, обуславливавшую и достоинства, и недостатки его—динамичность.

Перецъ родился въ 1851 г., въ городкѣ Замостьѣ, Люблинской губернии. Онъ получилъ традиціонное воспитаніе въ релігіозной школѣ (хедерѣ), гдѣ проходились Библия и Талмудъ; изученіе Талмуда не удовлетворяло однако пытливаго ума, и Перецъ еще въ юности самостоятельно изучилъ творенія средневѣковыхъ еврейскихъ мистиковъ и каббалистовъ. Потомъ съ той же страстностью сталъ изучать европейскую литературу; особенно плѣнилъ его Гейне, оказавшій сильное вліяніе на первый періодъ творчества Переца. Первые произведенія Переца, носящія явно подражательный характеръ, появились въ 1886 г.; написаны они были на древне-еврейскомъ языкѣ. Въ 1888 г. въ одномъ изъ временныхъ изданій напечатана была фантастическая поэма „Мовишъ“, написанная на разговорно-еврейскомъ языкѣ. За этой поэмой послѣдовалъ рядъ бытовыхъ очерковъ и новеллъ, обличающихъ сильное вліяніе русской и польской народнической литературы. Въ этихъ рассказахъ рисовались неприглядныя будни еврейской жизни, горькая доля еврейской женщины, суровый гнетъ социальной несправедливости; наивный лиризмъ сочетался въ нихъ съ жаромъ юношеской публицистики; эпические формы ломались подъ напоромъ непосредственной эмоциональности; стиль былъ иногда расплывчатъ и лишень индивидуальной окраски. Но съ годами крѣпнущій талантъ все тверже ковалъ форму, все углублялъ эмоциональное содержаніе творчества, и окончательно писа-

тель обрѣлъ себя тогда, когда, по слову евангельскому, „потерялъ себя“: когда растопилъ свою душу въ горниль народнаго творчества, въ себѣ ощутилъ народъ, въ народѣ узналъ себя и создалъ, уже въ зрѣлые годы своей жизни, самое гармоническое изъ своихъ произведеній—„Народныя сказанія“.

Два крупнѣйшія, хоть и неравныя по историческому озвату своему, явленія еврейской жизни наложили отпечатокъ на творчество Переца: просвѣтительное движеніе (гаскала) и хасидизмъ.

Просвѣтительное движеніе возникло въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія въ Литвѣ, которая испоконъ вѣка была очагомъ талмудистской и раввинской наукъ. Односторонній рационализмъ, культивировавшійся здѣсь въ теченіе ряда вѣковъ, въ сочетаніи съ обще-европейскими вліяніями, пробившими себѣ путь съвозомъ стѣны гетто, породилъ такъ называемую „гаскалу“. Это было движеніе молодой еврейской интеллигенціи, сумѣвшей критически отнестись къ закоснѣлымъ традиціямъ раввинизма, но безсознательно сохранившей его стиль, его навыки, его форму чувствованія и мышленія. Поэтому въ своемъ протестѣ противъ сухого догматизма, мертвящаго еврейскую жизнь, въ своемъ призывѣ къ европейскому просвѣщенію представители гаскалы пошли не дальше секуляризаціи древле-еврейскаго языка, обличенія общинныхъ злоупотребленій, требованія частичныхъ и преимущественно внѣшнихъ реформъ быта. Истиннаго, внутренняго обновленія жизни не могла дать гаскала, корнями своими неразрывно связанная съ рационалистическими традиціями раввинизма; и едва лишь возникла ова, ея внѣшняя правда столкнулась съ внутренней правдой другого, изъ глубинъ народа шедшаго движенія—хасидизма.

Хасидское движеніе зародилось въ XVIII в. въ Подоліи и Галиціи. Оно явилось протестомъ народныхъ массъ противъ интеллектуальной аристократіи, противъ формализма и бездушнаго догматизма раввинистовъ. Хасидизмъ поставилъ чувство выше догмы, молитву—выше обряда, экстазъ—выше умозрѣнія. Онъ сталъ міросозерцаніемъ народа, бѣдныхъ, темныхъ людей, ремесленниковъ, странствующихъ торговцевъ, нищихъ. Онъ оправдалъ видету, скромный трудъ, смиреніе. Философія хасидизма упиралась въ мистику каббалы, но суровый аскетизмъ ея преображалъ радостнымъ пріятіемъ міра. „Служите Богу съ радостью“ и „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“—таковы были девизы проповѣдниковъ хасидизма. Во мракѣ гетто совершилось истинное преображеніе души народнои, открылся неподдѣльный источникъ радости о Богѣ, о мірѣ.

Яковъ Динезонъ, ближайшій другъ Л. Переца.

Въ этомъ преображеніи была внутренняя правда хасидизма, сдѣлавшая его смертельнымъ врагомъ раввинской традиціи; въ фанатической ненависти къ европейскому просвѣщенію, къ европейской наукѣ, была его внѣшняя ложь. Внѣшняя правда гаскалптовъ столкнулась съ внѣшней ложью хасидизма; завязался поединокъ, пятаемый коренною чуждостью, кореннымъ непониманіемъ другъ друга.

Перець перваго періода своей дѣятельности отразилъ въ своихъ произведеніяхъ внѣшнюю правду гаскалы—ея тяготебіе изъ мрака гетто къ свѣту, къ европейской культурѣ. Подобно пшымъ гаскалпгамъ, бичевалъ онъ въ своихъ по-

эмахъ, статьяхъ и разсказахъ невѣжество и фанатизмъ убогой массы. Программа, выставленная въ издаваемомъ имъ въ пятидесятихъ годахъ ежегодникѣ „Jüdische Bibliothek“, гласитъ: „Просвѣщеніе народа и превращеніе фанатиковъ въ образованныхъ людей“. Въ его отношеніи къ народному языку (такъ называемому „жаргону“) сквозитъ еще слегка презрительный отгѣнокъ, свойственный интеллектуальной аристократіи, равно раввинской, какъ и гаскалптской.

Но для мятущагося духа писателя правда гаскалы была слишкомъ внѣшней, слишкомъ односторонней. Юношескій просвѣтительный энтузіазмъ скоро смѣнился горькимъ унылымъ пессимизмомъ. Еврейская жизнь стала казаться болотомъ, кишцемъ пресмыкающихся (разсказъ „Тина“), обителью мертвыхъ („Мертвый городъ“). Изъ этого тупика пессимизма вывелъ писателя творческой живой инстинктъ, показавъ ему въ нѣдрахъ народнои души внутреннюю правду хасидизма. Перець въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ цикла „Chassidisz“—„Между двумя горами“.

Разсказъ ведется съ имени раби Ноаха, ученика одного изъ столповъ раввинизма—раввина

изъ Бриска. Однажды приснился юношѣ Ноаху пророческій сонъ: будто ведетъ его учитель по безконечнымъ пустыннымъ переходамъ и корридорамъ, гдѣ стѣны изъ чистаго льда, и вездю разлитъ холодный, жуткій свѣтъ. „Ученикъ усталъ. Тѣло его дрожало отъ холода, непрерывный свѣтъ рѣзалъ глаза. И сжалось сердце тоской, тоской по евреямъ, по товарищамъ, по всему Израилю. „Не тоскуй ни по комъ,—сказалъ раввинъ,—это—дворецъ только для тебя и для меня... Ты тоже когда нибудь будешь раввиномъ въ Брискѣ“. Еще болѣе сильная тоска охватила ученика. Онъ ухватился за стѣну, чтобъ не упасть, и вдругъ почувствовалъ ожогъ, ожогъ не отъ огня, а отъ страшнаго холода. „Учитель,—воскликнулъ онъ,—стѣны—не изъ хрусталя, а изъ льда!.. Я не хочу быть съ вами однимъ, я хочу быть со

всѣмъ Израилемъ... Лучше быть въ аду со всѣмъ народомъ, чѣмъ съ вами одному!“—Раввинъ исчезъ. Къ Ноаху подошелъ бѣдный еврей въ извозничьемъ армякѣ. Онъ взялъ юношу за руку и вывелъ изъ рая. Послѣ этого Ноахъ сдѣлался ярымъ хасидомъ и врагомъ раввинизма. На диспутѣ съ прежнимъ своимъ учителемъ онъ восклицаетъ: „Ваша Тора—это самъ законъ, безъ жалости, безъ некры милосердія. Вотъ почему нѣтъ въ ней радости, нѣтъ свободного дыханія... Она очень высока, она лишь для избранныхъ“. И на вопросъ изумленнаго раввина отвѣчаетъ, что Тора хасидовъ—это радость о Богѣ.

Перецу стало жутко не только въ ледяномъ раю раввинизма, но и въ комфортабельномъ раю гаскалы. Его влекло къ пресраженно тусклой жизни, хотя бы въ порывѣ безумія. Въ драмѣ „Золотая цѣпь“ безумецъ Шлойма не хочетъ творить субботней заключительной молитвы (гавдола), возмущающей наступленіе будней. „Суббота да будетъ, суббота! — восклицаетъ онъ въ пзсуплении, — клещами удержи и субботу! Не будутъ больше судить, рѣшать, карать!.. Нынѣ спитъ Мессія у вратъ Рима и ждетъ. Иди онъ не въ сплахъ. Раны не заживаютъ...“

„... А міръ въ скорбь погружается. Какъ же, какъ спасти міръ? Суббота да будетъ, суббота! Не сѣять, не пахать, не строить, не чинить, не торговать! Пусть рухнетъ міръ,—мы, праздничные, мы, субботние, вдохновенные евреи, пройдемъ по развалинамъ міра... къ Нему, къ Нему! Мы скажемъ Ему: „Дольше ждать мы не могли!“. Пѣсню Пѣсней будемъ пѣть мы и съ пѣснями, съ плясками пойдѣмъ къ Нему!“

Драма „Золотая цѣпь“ и рассказы цикла „Chassidisz“ относятся къ эпохѣ перелома. Они написаны неровно, не закончены, мѣстами перегружены образами; новый замыселъ борется въ нихъ со старыми стилистическими навыками и не всегда побѣждаетъ; юношескій реализмъ по пути къ символизму иногда впадаетъ въ наивную аллегорію; лишь мѣстами (отрывки изъ новеллы „Между двумя горами“ и весь рассказъ „Если не выше“) языкъ становится скажымъ, простымъ, гармоничнымъ. Эти отрывки творятъ переходъ къ новой, болѣе зрѣлой, фазѣ творчества, къ появленію „На-

родныхъ сказаній“ („Volkstümliche geschichten“). Въ этой фазѣ обрѣтаетъ творческое равновѣсіе мягущійся духъ писателя; зрѣлѣй и тоньше становится лиризмъ, соприкасаясь съ лиризмомъ народной легенды; каждый рассказъ образуетъ гармоничное, законченное цѣлое, но типу новеллы Анатоля Франса и сказаній Ремизова; романтизмъ поэта, соприкоснувшись съ фантастикою души народной, обрѣтаетъ истинную почву. Веревницей тянутся бѣдняки, извозчики, водовозы,

„нѣмая душа“, таящая до времени откровеніе благодати („Слушай, Израиль!“), странники, молитва ко орыхъ рождаетъ зимою листья на деревьяхъ и скликаетъ птицъ („Все прекрасно“), и въ ихъ вереницѣ шествуютъ ангелы, гонцы небесные, и самъ Илья пророкъ („Семь лѣтъ счастья“) въ одеждѣ „вѣмчика“—любимые герои народной легенды. „Народныя сказанія“, появившіяся въ поздній періодъ дѣятельности писателя (1900 г.), являются лучшимъ плодомъ его творчества.

Въ послѣдніе годы Перецъ написалъ еще рядъ драмъ изъ хасидской жизни и приступилъ къ писанію мемуаровъ. Война потрясла его утомленныя болѣзнями организмы. Последнимъ произведеніемъ его были дѣтскія сказки, которыя писалъ онъ для дѣтей обездоленныхъ еврейскихъ бѣженцевъ, наводнившихъ Варшаву. На этомъ занятіи застигла его смерть.

Наряду съ динамичностью натуры Перца другой характерной чертой была его многосторонность. Онъ писалъ на двухъ языкахъ: разговорно-еврейскомъ и древне-еврейскомъ (на послѣднемъ — публицистическія

статьи и сборникъ лирическихъ стихотвореній); онъ писалъ поэмы, драмы, баллады, повѣсти, лирическія стихи, публицистическія статьи, фельетоны; только въ рамки романа не вмѣщался безпокойный его духъ. Вѣчно мѣняющійся, многоликій, не всегда увѣренный, не всегда стоящій на высотѣ творческаго искусства, онъ даждь все же наибольшее, что можетъ дать писатель: отразилъ въ своемъ творествѣ обаянію правды, явленной въ его народѣ.

С. Дубнова-Эрлихъ.

Л. Перецъ и С. Ан-скій.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ.

„У САМАГО МОРЯ“.

Если нашихъ поэтовъ еще не разлюбили, то имъ уже конечно перестали вѣрить. Слишкомъ очевидно, что „псыгания огнемъ“ они не выдержали и что тонъ нововременныхъ статей въ поэзии есть не слияніе съ природою, но злободневная и не безкорыстная уступка его мнѣніямъ требованіямъ. Русская поэзія не погибнетъ конечно въ наводненіи злободневныхъ стиховъ, лживыхъ и глуповатыхъ, но сейчасъ она въ немъ тонетъ.

Тѣмъ сильнѣе радость, которую принесъ послѣдній номеръ „Аполлона“. Въ журналѣ этомъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ выпустившемъ цѣлый фейерверкъ военныхъ вдохновеній, теперь помѣщена новая поэма Анны Ахматовой— „У самого моря“.

Можетъ быть, нѣтъ въ Россіи сейчасъ поэта, имя котораго было бы окружено такой пѣжностью и сочувствіемъ, какъ имя Ахматовой. Это—успѣхъ не случайный. У Ахматовой есть всѣ данныя стать „любимицей публики“, и только глубокое и вѣрное чутье спасаетъ ее. Поэзия чисто-эмоциональной всегда обезпеченъ широкимъ успѣхъ, а на этомъ пути Ахматова сейчасъ стоитъ впереди всѣхъ. М. Кузьминъ сравнилъ ее съ александрійскими эстетамъ, которые представляли себѣ каждый день и каждый часъ предсмертнымъ.

Это было еще въ предисловіи къ „Вечеру“, но, какъ подлинно обреченная, Ахматова и любить, и тоскуетъ все безнадежнѣе и острѣе. Кто же повѣритъ тому, что „я—очень спокойная“?

Въ этомъ отношеніи Ахматова дѣйствительно—современный лприкъ.

Есть сейчасъ цѣлый рядъ поэтовъ, которые, желая „уловить ликъ современности“, первымъ условіемъ достиженія этой почтенной цѣли считаютъ воспѣваніе трамваевъ и (это уже—законъ) аэроплановъ. Эти наивные молодые люди напрасно думаютъ, что ихъ вдохновенія оцѣнятъ тѣ, къ кому они взываютъ: авіаторамъ, и желерамъ, телефонныя барышни, вагоновожатые. Авіаторамъ, если и понравятся стихи, то ужъ конечно объ увядшихъ розахъ и разбитыхъ грезахъ. А тѣмъ, кто, не отставая отъ инженеровъ и техниковъ, идутъ въ другомъ планѣ жизни, кто и видитъ, и знаетъ, и помнитъ вещи болѣе удивительныя, чѣмъ аэропланы,—развѣ имъ надо вѣчно напоминать о „грохотѣ проспектовъ“ и пулеметахъ?

Поэтъ блоко-лермонтовскаго стиля, Ахматова ничего не „описываетъ“. Вспомнить иногда, какое было море, какъ улыбулся мальчикъ,—но все мимоходомъ, коротко и растерянно. Теперь уже ясно, что она совсѣмъ—не „вещелюбъ“, ни и вещи, и вся земля дороги только какъ обстановка, какъ память. И неудивительно, что ее—и еще одного, Блока,—совершенно не тронулъ эстетическій экзотизмъ, созданіе по-

этовъ „зрительнаго“ типа, близкихъ романскому духу. Нельзя представить себѣ Ахматову занимающейся писаніемъ триолетовъ или газеткъ,—и развѣ это все—не то же самое? Ахматова—мастеръ, покуда мастерство ея ей покорно, но служить ему она не хочетъ. Не будемъ себя обманывать. Ни Блокъ, ни Ахматова въ словесности—не „путь“ и не школа. Ихъ нельзя „продолжать“, не обворовывая и не подражая имъ. Постѣдователь Брюсова напрямѣрь свободенъ, но нельзя быть „ученикомъ Блока“ и не говорить о вьюгахъ или нищей Россіи. Воры-поклонники уже наполовину заслонили прекрасный образъ поэта,—можетъ быть, то же ждетъ и Анну Ахматову?

„У самого моря“—торжество ея таланта. Сохранивъ прежній стиль, прежнія слова, она доводитъ свой трепещущій лиризмъ до крайняго напряженія. Нельзя противиться очарованію этихъ строкъ:

«Бухты изрѣзали низки берегъ,
Всѣ паруса убѣжали въ море»...

Простая исторія о невернувшемся „даревичѣ“—рассказана Ахматовой съ такой тревогою, съ такой любовью и мудростью, какія возможны только у поэтовъ, нашедшихъ „свое“. Ея не смутили разсужденія о томъ, что теперь „пора уже вернуться къ фабулѣ“,—она знаетъ цѣну завязкамъ и развязкамъ, и не ее упрекать въ недостаткѣ примитивной изобрѣтательности.

Съ тактомъ настоящаго поэта она нашла тему простую и трагическую, и всѣмъ „истиннымъ“ темамъ на землѣ родственную.

Самый стихъ Ахматовой, равнѣ страдавшій нѣсколько обманчивой пѣвучестью, окрѣпъ и приобрѣлъ гибкую силу. Поэтъ будто захлебывается своимъ голосомъ,—и только „Мицри“ можно по вѣрности мелодической линіи и „дыханію“ сравнить съ новой поэмой. Знатоки стихосложенія найдутъ вообще много интереснаго въ ея ритмикѣ, чрезвычайно органической и неразложимой, едва ли сознанный самимъ поэтомъ. Менѣе вѣроятно будутъ они увлечены не всегда убѣдительными образами поэмы.

Читая „У самого моря“, приходишь къ слегка смущающему заключенію: поэма конечно всѣмъ понравится. Это—странное и какъ будто опасное свойство таланта Ахматовой. Но нельзя ошибаться,—быстрое признаніе не всегда есть дипломъ на посредственность. Вѣдь существуютъ плоскости творчества, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть споровъ. Черезъ сто лѣтъ „У самого моря“ прочтутъ съ тѣмъ же волненіемъ, что и теперь. И развѣ какія нибудь догадки и соображенія могутъ заставить насъ сомнѣваться въ томъ, что Ахматова—большой и прекрасный поэтъ.

Георгій Адамовичъ.

А. Щекоткина. Рисунокъ.

М. ШАГИНЯНЪ.
ГОДОВА МЕДУЗЫ.

I.

Два товарища жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Одного изъ нихъ звали Андрей, а другого—Игнатій. Оба были студентами, хотя Андрей учился медицинѣ, а Игнатій—архитектурѣ. Ихъ сблизилъ совершенно случайно третій общій знакомый, который впрочемъ не дружилъ ни съ Андреемъ, ни съ Игнатіемъ и въ разсказѣ нашемъ не играетъ никакой особенной роли. Обоимъ студентамъ нуженъ былъ «сожитель», и когда случай свелъ ихъ вмѣстѣ, они наняли подходящую комнату, отвели другъ-другу по углу для занятій и сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобъ приспособиться къ совмѣстной жизни.

Это удалось имъ очень скоро. Ихъ характеры казались созданными для прочнаго и складнаго общенія. Андрей былъ юноша иждивный, съ любовью къ аккуратности и труду, даже не къ самому труду, а къ процессу его; онъ очень любилъ составлять рас-

писанія занятій, чинить карандаши, переплетать книги, и хотя часто ему не удавалось исполнить то, чего хотѣлось, однако онъ чувствовалъ продуктивность своего образа жизни и ею гордился. Въ немъ кромѣ того была одна пріятная черта: онъ любилъ уступать и приносить жертвы; въ глубинѣ души ему хотѣлось, чтобъ эти жертвы были оцѣнены, но, когда ихъ совсѣмъ не замѣчали, Андрей находилъ утѣшеніе въ мысляхъ о своемъ безкорыстіи.

Совсѣмъ другого склада человекъ былъ Игнатій: онъ ни въ чемъ не зналъ мѣры, не отпѣкивался, когда ему чтонибудь предлагалось, мало задумываясь надъ движеніями своей души и никогда не чувствовалъ, что онъ кому-нибудь въ тягость. Оттого и на самомъ дѣлѣ Игнатій рѣдко кому мѣшалъ, а если даже и мѣшалъ, то обиженный невольно былъ благодаренъ ему за то, что онъ этого не замѣчаетъ. Роста Игнатія былъ высокаго, крупный, волосатый,

чо съ очень тонкими конечностями, изобличившими въ немъ породу; маленькій Андрей въ противоположность ему имѣлъ руки грубыя, а ноги короткія. Въ первый же день ихъ сожителства выяснилось, что оба они хотятъ какъ слѣдуетъ работать, чтобы наверстать потерянный годъ, и потому стануть удерживать другъ друга отъ непроизводительной траты времени.

— Товарищъ, почему вы избрали медицину?—спросилъ Игнатій, когда они въ первый разъ улеглись спать,—одинъ возлѣ печки, другой между окнами.

Андрей съ готовностью отвѣтилъ:

— А это, видите ли, имѣетъ отношеніе къ моему внутреннему «я». Миѣ всегда хотѣлось взять упорную, отвѣтственную работу, чтобы она меня воспитала. Сама по себѣ медицина конечно скучнѣе филологій, но она дисциплинируетъ.

— Да, конечно!—согласился Игнатій:—а я вотъ никогда не думалъ о дисциплинѣ, но зато влюбленъ въ принципы соотношенія частей. Для меня архитектура—мать всѣхъ наукъ. Глядишь на какую нибудь джоттовскую кампаниллу и понимаешь, какъ сотворенъ міръ.

— Что за кампанилла?

— Вы не знаете? Колокольня во Флоренціи. Она вся состоитъ изъ числа семи, изъ нечета, замѣтите себѣ, и такъ построена, что каждая часть—страдательная по отношенію къ другой; всѣ какъ бы уступаютъ главенство другъ другу и не распадаются ни въ одиночку, ни на пару. Эта колокольня—просто шедевр архитектуры.

— Ну, а міръ, по-моему, совсѣмъ не такъ сотворенъ,—подумавши отвѣтилъ Андрей:—если одинъ страдаетъ, такъ другой главенствуетъ.

На томъ они и окончили разговоръ, пожелали другъ другу спокойной ночи и заснули. На другое утро Андрей проснулся первый, сдѣлалъ гимнастику, сварилъ на спиртовкѣ кофе и сталъ просить своего товарища не валяться въ постели:

— Смотрите на меня, коллега,—уговаривалъ онъ:—я работаю, и вы тоже принимайтесь. Мы будемъ соревновать, и у насъ создастся необходимая трудовая атмосфера!

Но при видѣ энергіи и хлопотливости своего сожителя Игнатій позволилъ себѣ полѣниться дольше обыкновеннаго. Такъ оно и вышло съ тѣхъ поръ: всѣ мелкія обязанности по хозяйству принималъ на себя Андрей; онъ вскакивалъ раньше товарища и умываясь подшучивалъ надъ нимъ. Иной разъ онъ даже подавалъ ему въ постель кофе и чертежи.

Андрей очень полюбилъ Игнатія. Онъ считалъ его человѣкомъ талантливымъ, но непрактичнымъ, за которымъ нужны глазъ и любящій уходъ. Когда имъ приносили изъ трактира обѣдъ, онъ лучшіе куски отодвигалъ товарищу и умилялся на его аппетитъ. Поздно вечеромъ, когда Игнатій продолжалъ въ своемъ углу заниматься и керосиновая лампа съѣдала въ комнатѣ остатки воздуха, онъ не дѣлалъ ему никакого замѣчанія. Даже привычку Игнатія зудить лекціи вслухъ онъ терпѣливо сносилъ и только закладывалъ уши ватой.

Въ свою очередь Игнатій былъ въ восторгѣ отъ Андрея; онъ считалъ его идеальнымъ товарищемъ.

Чаще, чѣмъ раньше, сталъ онъ задумываться надъ свойствами своего характера и страдалъ, сравнивая себя съ Андреемъ. Во то время какъ тотъ всегда бодрился, былъ въ отличномъ настроеніи и много работалъ,—онъ сталъ хандрить, сомнѣваться въ самомъ себѣ и почти ничего не дѣлать.

II.

Однажды Андрей, вернувшись домъ изъ университета, засталъ Игнатія еще въ постели.

— Товарищъ, какъ вамъ не стыдно!—накинулся онъ на своего сожителя:—вы бы хоть солнца постыдились! Посмотрите въ окно, что за погода. Я нарочно далъ крику, чтобъ прогуляться, а вотъ сейчасъ у меня и голова свѣжая, и аппетитъ хорошій.

— Ну, и радуйтесь, а меня оставьте въ покоѣ,—огрызнулся Игнатій.

У него были потемнѣвшее, напряженное лицо и злые глаза. Когда Андрей хотѣлъ пощупать его лобъ, онъ съ ненавистью отвернулся къ стѣнѣ и натянулъ себѣ одѣяло по самыя брови.

Андрей огорченно пожалъ плечами, вынулъ изъ портфеля книги, разложилъ ихъ аккуратно на столѣ, сѣлъ къ другому концу, накрытому салфеткой, и принялся было ѣсть простывшій борщъ. Но тутъ онъ замѣтилъ возлѣ прибора грубый синий конвертъ; такія письма получалъ онъ изъ дома; почеркъ на конвертѣ былъ отцовскій. Онъ бросилъ ѣду и принялся читать письмо. Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи; по вдругъ Игнатій услышалъ растерявныя всхлипыванья и высунулъ голову изъ-подъ одѣяла: его товарищъ сидѣлъ согнувшись возлѣ стола и плакалъ, прикрывая лицо руками. Игнатій вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ сожителю и участливо дотронулся до его руки.

— Ма...мамаша умерла,—заговорилъ сквозь слезы Андрей, кусая себѣ губы:—отецъ не хотѣлъ писать, думалъ—обойдется. И на похороны не вызвали, чтобъ не... не нарушать моего академическаго года. Очень тяжело, что сразу. Она у насъ была бодренькая такая старушка!

Игнатій побѣжалъ за водой, нанюхалъ товарища, въ одну секунду одѣлся и проявилъ такъ много душевнаго сочувствія, что Андрей разстроился нуще прежняго и со смягченной душой пустился рассказывать о своемъ прошломъ. При воспоминаніяхъ о письмахъ матери, о вареньѣ, которое она для него варила, о варежкахъ, которыя она вязала,—слезы такъ и сыпались у него по щекамъ. Потомъ оба друга, сблизенные этой бѣдой, пошли вмѣстѣ бродить по городу; поздно вечеромъ Игнатій уложилъ своего товарища и хотя самъ спать не хотѣлъ, но все-таки потушилъ лампу и легъ, чтобъ не прогонять сна у Андрея. На душѣ у него было очень хорошо и удовлетворенно; онъ подумалъ мелькомъ:

«Я—вовсе не такой плохой и никуда негодный, какимъ кажусь самому себѣ».

На другое утро Игнатій проснулся раньше Андрея, тихонько одѣлся, чтобъ его не разбудить, сбѣгалъ за калачами и успѣлъ, пока не всталъ его сожитель, прочитать двадцать страницъ по исторіи искусства. Весь день онъ старался занимать Андрея, пошелъ съ нимъ въ бюграфъ, рассказывалъ о своихъ путеше-

Н. Алъманъ. Рисунокъ.

Панорама Ко

ствяхъ, и чувство довольства собою его не покидало.

Бѣдный Андрей выбился изъ колен. Онъ обладалъ крайней склонностью задерживать горестныя впечатлѣнья; разсѣивать свою боль казалось ему святотатствомъ. И вотъ порядокъ дня его былъ нарушенъ. Товарищъ по утрамъ вскакивалъ раньше него, заваривалъ кофе и успѣвалъ сдѣлать за день гораздо больше, чѣмъ онъ. Андрей въ глубинѣ души жестоко огорчался: экзамены приближались, а къ нимъ еще ничего не было приготовлено. Вдобавокъ Игнатій постоянно его подбодрялъ и ему сочувствовалъ, и это мѣшало Андрею раздѣлаться со своимъ уныніемъ.

Какъ-то утромъ оба товарища вскочили съ постелей въ одно время, и оба сразу одѣлись. Предъ умывальникомъ они немножко поспорили, уступая другъ-другу очередь мыться, предъ кофейникомъ повторилась та же исторія, но обонмъ было весело и пріятно соревновать. Хотя это соревнованье и отняло у нихъ лишніе полчаса на бесплодные разговоры, однако оба товарища были довольны. До обѣда они позанимались, потомъ прогулялись, а за обѣдомъ стали разсуждать о своихъ работахъ.

— Гляньте, какъ мы разлагаемъ художественное произведеніе,—сказалъ Игнатій, кладя предъ своимъ другомъ чертежи собора Петра въ Римѣ:—вотъ по этой геометріи должны мы изучить всѣ достоинства и недочеты зданія, отдѣлать мысли Браманте отъ Бернини и вообще понять структуру. Чѣмъ это хуже вашей лягушки?

Андрей взглянулъ на чертежи, какъ на китайскую азбуку, но съ готовностью подхватилъ мысль Игнатія:

— Да, правда! Недаромъ древніе говорили: «раздѣли и побѣди». Мы вѣдь тоже не столько пони-

маемъ, сколько побѣждаемъ предметы! Забудьте, товарищъ, что даже въ нашемъ научномъ познаніи лежитъ борьба, а вовсе не согласованность.

Игнатій засмѣялся и про себя съ любовью подумалъ, какъ ему легко съ такимъ умнымъ и тонко мыслящимъ человѣкомъ, каковъ Андрей.

III.

Одинаковое усердіе двухъ друзей продолжалось недолго. Начать съ того, что они мѣшали другъ другу то возлѣ умывальника, то возлѣ спиртовки, за столомъ, за прогулкой, за лекціями. Повышенное настроеніе каждаго изъ нихъ не находило себѣ опоры въ другомъ, не встрѣчало ни противодѣйствія, ни противочувствія и оттого не приносило внутренняго удовлетворенія. Первымъ замѣтилъ это Игнатій. Сперва онъ забавлялся такой странностью, потомъ задумался и кончилъ тѣмъ, что вернулся къ прежнимъ привычкамъ: лежалъ по утрамъ, не убиралъ своего стола, кинулъ и лѣнился. Однако въ лѣни его была какая-то предумышленность; онъ все приглядывался къ чему-то да выжидалъ, да думалъ, такъ упорно, что молчаніе начинало тяготить Андрея.

Уже приблизились экзамены, снѣгъ стоялъ, назначили сессию для медиковъ. Бодрый, порозовѣвшій, подтянувшійся Андрей успѣвалъ бѣгать въ университетъ, учиться и ходить за Игнатіемъ. Онъ, какъ женщина, приспособлялся къ его слабостямъ, сносилъ ихъ и приводилъ въ систему. И характеръ его шлифовался о неровности въ поведеніи товарища. Первый экзаменъ наступилъ и сошелъ блистательно. Разсказывая объ этомъ Игнатію, Андрей вдругъ замѣтилъ перемену въ своемъ сожителѣ: тотъ выгляделъ обрюзглымъ, постарѣлымъ лѣтъ на пять и осу-

Константинополь.

нувшим; лицо его не выражало ни сочувствия, ни зависти, а казалось окаменѣлымъ.

— Игнатій, да что съ вами!—со страхомъ воскликнулъ онъ, забывая о себѣ.

— Нѣтъ, такъ, ничего. Продолжайте пожалуйста!

— Голубчикъ, вы больны? Какъ это я раньше не замѣтилъ!—не слушая его, безпокоился Андрей. Онъ чувствовалъ что-то, похожее на стыдъ или страхъ.

Тогда Игнатій прошелся раза два по комнатѣ, сталъ предъ товарищемъ и заговорилъ:

— Андрей, только вы не слишкомъ огорчайтесь. Миѣ кажется, есть вещи, которыя нельзя человѣку узнавать. А мы съ вами положили къ одной такой вещи черезчуръ близко, и я ее узналъ.

— Господи, да какая вещь? Ужъ не наговорилъ ли вамъ чегонибудь этотъ дуракъ Филимоновъ? Вы—непростительно нервный человѣкъ, Игнатій!

— Никакого Филимонова я не видѣлъ. Но только я знаю теперь, что въ мірѣ нѣтъ никакой даровщины. Все существуетъ за счетъ другого. Понимаете вы, Андрей: все, что мы получаемъ,—это не изъ воздуха, не изъ матеріи, не изъ кассы, а отъ такого же существа, какъ мы. Кассы къ мірѣ не существуютъ. Это мы другъ друга обрабатываемъ. И когда ктонибудь изъ насъ получаетъ, это значитъ, что отъ кого-то другого отнимается.

— Не понимаю ни бельмеса,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Андрей.

— Ага, не понимаете! Нѣтъ, вздоръ, понимаете, пріятель! Понимаете вы, что, когда вамъ плохо, миѣ хорошо? Чтобъ одинъ былъ счастливъ, надо другому быть несчастливымъ! Когда одинъ слагается въ единицу, будьте увѣрены, что ктонибудь другой разлагается. Это вы понимаете?

— Вы заразились наивнымъ дарвинизмомъ, Игнатій. Борьба за существованье...

— Миѣ наплевать, дарвинизмомъ или вампиризмомъ, или чѣмъ тамъ хотите!—перебилъ его Игнатій въ бѣшенствѣ.—Не воображайте, что отъ такихъ словъ вы поумнѣете. Дѣло въ томъ, что элементы поѣдаютъ другъ друга. Физическіе, душевные, духовные элементы,—всякіе. Въ матеріи нѣтъ сознанья, и она отъ этого не страдаетъ. А мы... мы...

— Игнатій, родной, успокойтесь. Не создавайте себѣ призраковъ!—съ отчаяніемъ молилъ Андрей, хватая своего друга за руки.

— А мы любимъ другъ друга и потому страдаемъ,—продолжалъ Игнатій упавшимъ голосомъ:—до того любимъ, что начинаемъ ненавидѣть, чтобы не такъ страшно было поѣдать. Вотъ будь вы женщиной, я до этого никогда бы не додумался. Женщина какъ-то такъ пристроилась къ намъ съ незамѣтностью: ты ее видишь снаружи, а она тебя внутри. Вѣкъ проживешь и не замѣтишь. Но человѣкъ съ человѣкомъ—это невыносимо, этого нельзя не узнать!

Андрей съежился на своемъ стулѣ, уронилъ книжку съ только что помѣченнымъ въ ней профессорскимъ «весьма», подперъ кулакомъ лицо, сразу ставшее маленькимъ и жалкимъ, и ничего больше не говорилъ.

IV.

Игнатій и Андрей разъѣхались. Оба вышли въ люди: одинъ строитъ дома, другой лечитъ больныхъ. Но ни тотъ, ни другой не забыли послѣдняго разговора и все ищутъ, каждый на свой ладъ, тайну людского сожителства, при которой всѣ получали бы и никто бы ничего не терялъ.

М. Шагинянь.

АЛЕКСАНДРЪ ТОЛМАЧЕВЪ.

ПОСЛУШАЙТЕ!!!

Вечер... Семь часов... На Невскомъ людно, пыльно и шумно. Въ многоголовой, медленно ползущей толпѣ смѣшались чиновники, модистки, студенты, гимназисты, гимназистки и люди самаго неопредѣленнаго положенія. Около телеграфнаго окна „Вечернаго Времени“ толкаются любопытные. Мальчишки, съ оловянными бляхами на грязныхъ шапкахъ, наперебой выкрикиваютъ: „Вечерня... вечерня... вечерня“.

Оживленно и скучно. Такъ же было вчера, годъ тому назадъ, такъ же будетъ и завтра...

Но вотъ въ вереницу прѣсныхъ, вчерашнихъ людей, на первый взглядъ, занятыхъ собой, а въ сущности—опустошенныхъ бездѣльничковъ и бездѣльницъ, вмѣшивается странная компания. Костюмы необычайны, нельзя опредѣлить—мужчины это или женщины. Носы раскрашены, на щекахъ—непонятные узоры... Они идутъ подъ-руку и тихонько издаютъ нечленораздѣльные звуки...

Нѣсколько разъ прошил взадъ и впередъ, набрались храбрости, остановились и во все горло, заглупая газетчиковъ, стали выкрикивать:

«Я люблю смотрѣть, какъ умираютъ дѣти»...
«О день дзень идишь нуочь и ночь ничь всеобщаго единства».
«Какъ хорошъ беременный мужчина».
«Дер бул щыл убушур»...
«Еуы... еуы... еуы»...

Долго никто не обращалъ вниманія; только городской хотѣлъ было отправить ихъ въ участокъ „за нарушение общественнаго спокойствія“, но вспомнилъ, что о такомъ случаѣ „указа“ нѣтъ, и молчаливо повернулся спиной.

Такъ же спокойно шли прѣсные, вчерашние люди, такъ же чиновники заглядывали подъ шляпки модистокъ... Вдругъ замолчалъ газетчикъ, смогри съ опасливымъ любопытствомъ на „конкурентовъ“. Остановился гимназистикъ-приготовишка, акцизный чиновникъ, и скоро выросла толпа. Когда „странные люди“ поняли, что ихъ слушаютъ, они замолкли, кромѣ самаго высокаго, одѣтаго въ желтую кофту. Онъ вышелъ впередъ и звучнымъ баритономъ пропѣлъ: „Послушайте!

Вѣдь, если звѣзды закипаютъ, значить, это кому нибудь нужно, значить, кто то хочетъ, чтобъ онѣ были?..“

И опять, заглупая все и вся, задрезжали другіе: „О день дзень... умираютъ дѣти... убушур дер бул... беременный мужчина... еуы, еуы, еуы“... И снова прохожие идутъ, и снова „желтокофтецъ“, когда смолкаютъ истерические выкрики товарищей, звучнымъ баритономъ поетъ: „Послушайте! Вѣдь, если звѣзды закипаютъ, значить, это кому нибудь нужно?“.

Что это? кошмаръ? бредъ больного? Нѣтъ, такъ мнѣ представляется появленіе кубо-футуристовъ (В. Маяковскій, В. Хлебниковъ, А. Крученыхъ, Д. Бурлюкъ, В. Каменскій и др.) въ русской литературѣ.

Я оправдываю ихъ „хулиганские“ выкрики, потому что это—не хулиганство, а крикъ души за право на существованіе. Посудите сами: пришли новые люди, сказали: „Мы есть“, а плюгавенькие критики съ „парнасомъ“ во главѣ отвѣтили: „Нѣтъ, мы посмотримъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ, пришли ли вы, а пока не показывайтесь на глаза“...

Я оправдываю кубо-футуризмъ независимо отъ того, положительное это явленіе или отрицательное. Всѣ явленія происходятъ въ силу міровой гармоніи, а потому ихъ нельзя раздѣлять на „нужныя“ и „не нужныя“. Все выявленное—жизненно и нужно. Все живое не только хочетъ жить, но и требуетъ, чтобъ окружающее видѣло его жизнь и считалось съ нею. Дадутъ ли что нибудь кубо-футуристы, не знаю; они хотятъ дать и этимъ правы. Они пришли и, значить, имѣютъ право жить и требовать признанія своего существованія. Они имѣютъ такое же право и такъ же нужны, какъ каждый атомъ матеріи на землѣ, какъ каждая звѣзда въ небѣ; и потому я всецѣло на сторонѣ Владиміра Маяковскаго, который на Невскомъ поетъ прѣснымъ, вчерашнимъ людямъ: „Послушайте! Вѣдь, если звѣзды закипаютъ, значить, это кому нибудь нужно, значить, кто-то хочетъ, чтобы онѣ были?“.

Александръ Толмачевъ.

Мой post-scriptum.

По А. Толмачеву выходитъ какъ будто такъ: „Кубо-футуристы“ верещатъ на Невскомъ нечленораздѣльно, чтобы остановить „прѣсную толпу“; остановить же, привлечь ея вниманіе они хотятъ для того, чтобы заставить выслушать хорошую истину, вродѣ: „если звѣзды закипаютъ,—значить, кто-то хочетъ, чтобы онѣ были“.

Выходитъ, что „дер... бул... изыл...“, любовь къ смерти младенцевъ, беременные мужчины,—все это лишь средства для доброй цѣли. Но я, признаться, сомнѣваюсь. Стоитъ ли для провозглашенія истинъ, давнымъ-давно всѣмъ извѣстныхъ и сто тысячъ разъ провозглашенныхъ, употреблять героическія средства? Вѣдь вотъ хотя бы насчетъ звѣздъ,—

дверь давно открыта и ломится въ нее посредствомъ пачканья лицъ и беременныхъ мужчинъ по меньшей мѣрѣ... излишне. Не слѣдуетъ быть несправедливымъ и къ вашимъ „кубо“, г. Толмачевъ: не такъ ужъ они просты... гвоздемъ не умываются, стекломъ не утираются. Я склоненъ думать, что и сами они откажутся признать свое „дрезжанье“ и желтыя кофты средствомъ для успешной пропаганды банальнѣйшихъ правдъ.

Если же я, по давней привычкѣ къ логикѣ въ мысляхъ, не сумѣлъ понять мысль г. Толмачева, если онъ совѣтъ не о „средствахъ“ говорить, а хочетъ сказать, что „дер... день... еуы“... и есть какъ разъ „закипающія звѣзды“, то... я все равно и этого не могу понять. Не улавливаю пафоса г. Толмачева. Ни тотъ, кто зажегъ звѣзды, ни сами

звѣзды никогда не требовали, чтобы люди мгновенно их опѣнили, увидѣли, признали,—они слишкомъ увѣрены въ себя. На что бы это было похоже, если-бы звѣзды стали въ желтыхъ кофтахъ приставать къ людямъ на улицѣ, требуя признанія, и ругательски ругали бы всѣхъ, кто относится къ нимъ съ благожелательно-спокойнымъ терпѣниемъ? Было бы неблаголѣпно и... подозрительно. Вѣдь и настоящія-то звѣзды, новыя, вдругъ не открываются. Нужно время, провѣрка. Мнѣ ничего не стоитъ быть галантнымъ, я готовъ сравнить пристающихъ на улицѣ друзей г. Толмачева со звѣздами,—но, можетъ быть, это—метеоры? Камни, летящіе даже не на голову, а, какъ они всегда летятъ, въ пустое мѣсто? Подождемъ—увидимъ: если они „возсіяли“—такъ останутся сіять; а пролетятъ—сколько ни торопись, ничего путнаго для нихъ не успеешь сдѣлать.

Нѣтъ, поговоримъ на-чистоту. Я думаю, во-первыхъ, что молодой эго-футуристъ г. Толмачевъ*) запутался между признаніемъ и непризнаніемъ своихъ кузеновъ, „кубо-футуристовъ“; а во-вторыхъ—что съ этими послѣдними дѣло обстоитъ гораздо проще. Звѣзды не звѣзды,—но они конечно есть, такіе, какъ они есть, и совершенно ничего удивительнаго въ нихъ не замѣчается. Вотъ развѣ одно нѣсколько удивительно: ни малѣйшей новой, своей, черты сверхъ былого „декадентства“ они пока не принесли. Тѣ же замашки, тотъ же (на двадцать лѣтъ постарѣвшій) „его“ и то же эпатированье буржуевъ, соответственныхъ конечно буржуевъ. Сегодняшняго буржуа „блѣдными ногами“ ужъ нехватишь, онъ самъ на блѣдныхъ ногахъ; ну, ему—„шыл... уещур“... Погуще влейте тѣхъ же шей.

Правда, декаденты были гораздо болѣе горды, болѣе увѣрены въ себя, не приставали до такой степени ни къ „толпѣ“, ни къ литературной критикѣ. Тоже „презирали“, тоже „отругивались“, и съ эстрады, и всячески, но именно отругивались, а не лѣзли съ ножомъ къ горлу, не унижались

*) Впрочемъ г. Толмачевъ, въ самые послѣдніе дни, уже рѣшилъ, что онъ—не эго-футуристъ. А. К.

до провокаціи, чтобы потомъ попрезирать и поковырять. У сегодняшнихъ, не спорю, положеніе труднѣе; декаденты были первые въ своемъ родѣ, а не вторые; для вторыхъ всегда есть опасность, что буржуа прищурится:—стара, молъ, штука!—а потому излишество старанія тутъ очень возможно. Такъ легко зарваться, пребывая въ перманентномъ страхѣ, что тебя не замѣтятъ. Вѣдь этотъ страхъ—не шутите!—тоже страданіе, и онъ Богъ знаетъ до какого и предъ кѣмъ искаательства можетъ довести.

Однако мы не должны вдаваться въ сантиментальность. У добрыхъ людей болитъ сердце, глядя на толпу „новыхъ“ поэтовъ: точь-въ-точь герой Щедрина г. Очищенный, который жилъ тѣмъ, что подставлялъ себя подъ „оскорбленія дѣйствіемъ“, коихъ искалъ (такеу, на ликѣ написанную, имѣлъ для сего). Но добрыхъ людей я и считаю сантименталами. Довольно для ихъ сердца, если они будутъ терпимы, терпѣливы, не поддадутся на провокацію „по таксъ“. Вѣдь даже старшій кузень, учитель г. Толмачева*), самъ Игорь Сѣвѣ; янинъ, и тотъ не удержался, палъ, „нанесъ!“

„Меня взорвало это „кубо“,
Въ которомъ все бездарно сплошь...“

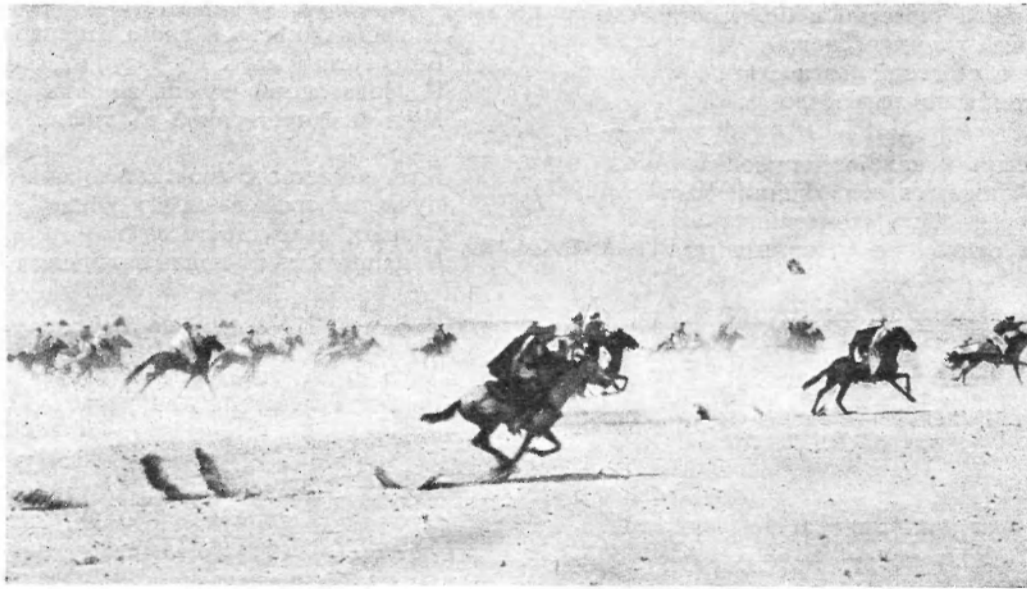
И Бурлюковъ—на Сахалив!“...
и т. д. „Поэза истребленія“ (Victoria Regia).

Ахъ, зачѣмъ онъ „нанесъ“? Впрочемъ не внию его: но его же прекраснымъ двумъ строкамъ знаю, что
„Непонимающій—невиненъ,
Его винящій—виноватъ“...

Итакъ, не сантиментальтесь, добрые люди, глядя на коллективнаго Ив. Ив. Очищеннаго: талантливые поэты изъ этого коллектива бросятъ свои подлизыванья и пресмыканья, найдутъ себя и свое достоинство, не бойтесь. А не талантливые... да Господь съ ними, что ихъ жалѣть!

Антонъ Крайній.

*) Впрочемъ г. Толмачевъ, въ самые послѣдніе дни, уже рѣшилъ, что И. Сѣверянинъ ему—не учитель. А. К.

Аттика алжирской конницы.

СТРАНИЧКА СТИХОВЪ.

Ерси.
(Сонетъ.)

На тощихъ шеяхъ хомуты торчать,
Ползетъ тѣлѣга, длинная, какъ лодка.
По лужамъ бьетъ невидимая плетка,
И крышь листы желѣзные дрожать.

На пестрый возъ, на женщинъ и ребятъ
Легли лучи серебряные четко.
Надвинуть на носъ козырекъ короткій
И звонкіи хлысть въ рукъ костлявой сжать...

Упрямое упорство, маета,
А впереди позорная черта.
Быть можетъ, это — вѣчная Голгофа?!

Страшны событій древнія права,
Какъ въ облакахъ летящихъ Саваофа
Склоненная, сѣдая голова.

Николай Бруни.

Между буйной страстью и безстрастностью
Пролегаютъ узкая межа.
Упоенный сладостной опасностью,
Прохожу по лезвию ножа.

Каждый шагъ и каждое движеніе
Приближаютъ неизбежный часъ.
Я иду впередъ безъ утомленія,
Какъ слѣпой, не раскрывая глазъ,

Но душой — холодной и медлительной —
Объ одномъ молю тебя, судьба:
Ниспошли огонь любви цѣлительной —
И покорность нѣжную раба.

М. Струве.

Счастья моего никто не знаетъ,
До зари лежу въ саду твоёмъ,
Песъ цѣпной всю ночь меня ласкаетъ,
Лижетъ слезы теплымъ языкомъ.

А какъ мѣсяцъ выглянетъ двурогій,
Другъ мой станетъ грустенъ и суровъ.
Мутный свѣтъ играетъ на дорогъ,
Гдѣ легли сады твоихъ шаговъ.

Ухожу на озеро къ восходу,
Вижу лѣсъ, зеленую зарю,
Не на небо звѣздное, не въ воду, —
Въ душу строгую твою смотрю.

Николай Бруни.

Надъ тихимъ сумракомъ столицы
Плыветъ спокойный, свѣтлый рогъ.
Я отрываюсь отъ страницы,
Чтобы проникнуть въ тайну строкъ.

И ночь въ своемъ молчаньѣ хмуромъ,
Какъ мысль безъ мѣры и безъ лпа,
Встаетъ за голубымъ ажуромъ
Зайдевавшего окна.

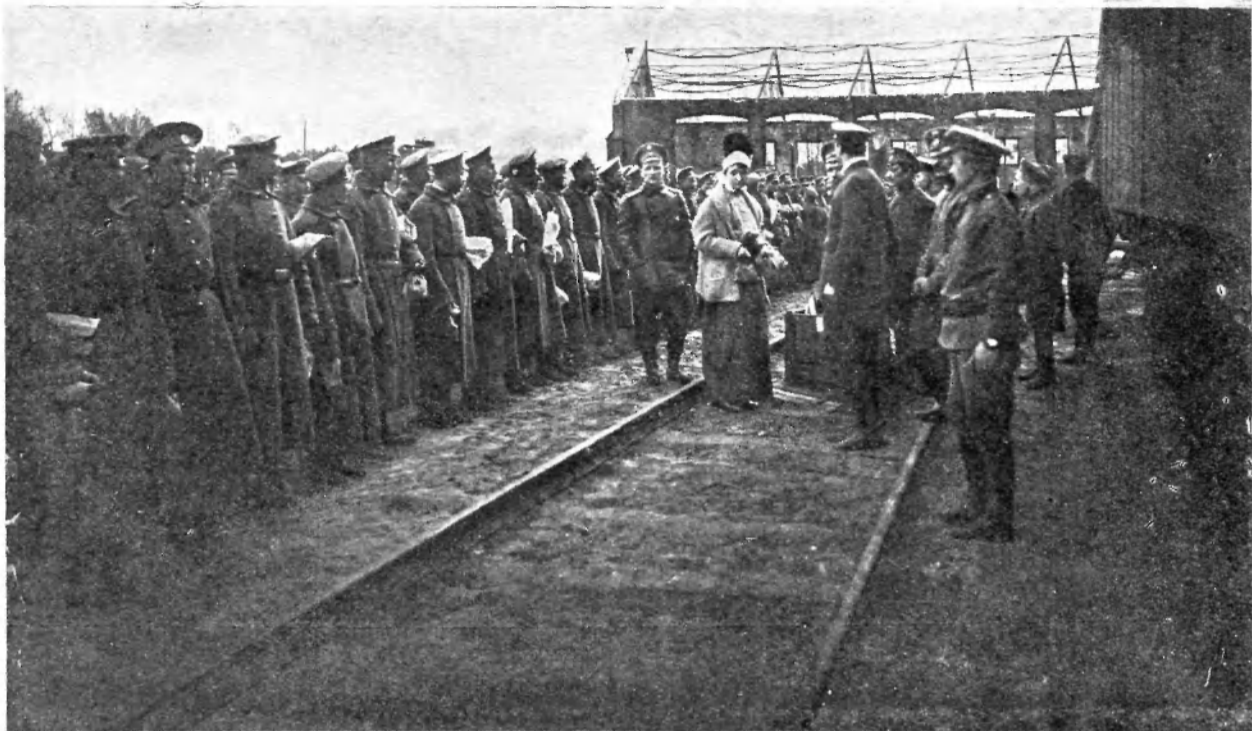
И вновь живетъ, и снова дышитъ
Безсмертный миръ моей души,
И снова легкой пологъ вышить
Мечтой единственной въ тиши...

Быть можетъ: солнце встало гдѣ-то,
Лучистый пламень мракъ убилъ, —
Я знаю, долго до разсвѣта
И длиненъ путь ночныхъ свѣтилъ.

И мой восходъ еще далеко,
Но звѣзды вдумчиво горять...
А со стола, изъ книги Блока
Журчитъ печальный ароматъ.

Николай Адуевъ.

Раздача подарков.

НИКОЛАЙ СЛОНИМСКИЙ.

А. Н. СКРЯБИНЫ,

Ошеломляющее впечатлѣніе произвела во всемъ музыкальномъ мѣрѣ неожиданная смерть талантливейшаго представителя новыхъ теченій въ музыкѣ, Александра Николаевича Скрябина. Еще не успѣли снять расклеенныхъ повсюду афишъ о двухъ концертахъ, данныхъ имъ за двѣ недѣли до смерти. Говорятъ, А. К. Глазуновъ, услышавъ во время консерваторскаго экзамена печальную вѣсть, едва могъ совладать съ собою отъ волненія и, сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о почившемъ, удалился. Многіе музыканты плакали, точно потерявъ родного отца.

Мы, казалось, привыкли къ неожиданнымъ смертямъ, вырывающимъ изъ нашей среды даровитѣйшихъ художниковъ: умеръ, не закончивъ своего творческаго круга, Лядовъ; погибъ въ расцвѣтѣ силъ и таланта нѣжно-мечтательный Калининковъ, но ни одна изъ этихъ потерь не возбуждала такого чувства почти мистическаго ужаса, въ какой повергла насъ смерть Скрябина. Всегда ужасна ранняя смерть художника-новатора, разбивающаго старыя скрижали, остается впечатлѣніе недосказанности, незавершенности, какъ бы утраты навѣки возможности иного пути, иного бытія. Скрябинъ умеръ, едва перейдя порогъ своего творчества, ибо врядъ ли можно считать ранніе „шопеновскіе этюды“ проявленіемъ его истинной творческой личности. Нѣкоторыя изъ раннихъ произведеній Скрябина (особенно 12 этюдовъ 8-го opus'a) представляютъ собою музыкальные шедевры необыкновенной

красоты, но специфически скрябинскаго въ нихъ ничего нѣтъ—это „сундукъ съ украденными шопеновскими рукописями“, по остроумному выраженію П. А. Кюи, уже неоднократно приводившемуся въ различныхъ газетныхъ статьяхъ и некрологахъ. Въ полномъ видѣ высказываетъ Скрябинъ свое эстетическое міросозерцаніе лишь въ „Прометей“, написанномъ въ 1910 году. Подготовительной ступенью къ „Прометей“ явились различныя мелкія фортепіанныя вещи подъ выразительными названіями *Fragilité, Poeme, Désir, Masque, Etrangeté*... Въ послѣпрометеевскомъ періодѣ Скрябинъ пошелъ далѣе, ища новыхъ формъ, звукосочетаній и ритмовъ. Въ послѣднихъ вещахъ—въ 9-й и 10-й сонатахъ на примѣръ—онъ своей „экстравагантностью“ привелъ въ полное недоумѣніе даже ярыхъ своихъ поклонниковъ. При всемъ желаніи трудно было усмотрѣть какое либо содержаніе въ этихъ странныхъ вещахъ: это—рядъ полуобрывковъ музыкальныхъ мыслей, иногда неожиданныя яркія вспышки кидаемыя въ сторону мелодій, самыя причудливыя гармоніи на чрезвычайно сложномъ ритмическомъ фонѣ. Многіе находили это простымъ шарлатанствомъ; другіе же, напротивъ, восторгались новыми исканіями любимаго автора, видя въ нихъ гениальнѣйшее проявленіе творческаго „я“; третьи же наконецъ усматривали въ послѣднихъ произведеніяхъ Скрябина угрожающіе признаки упадка таланта. Одинъ хорошій знатокъ музыки говорилъ въ частной бесѣдѣ по поводу смерти Скрябина: „Я, признаться,

Раздача подарков.

ничего от него болѣе не ждалъ. Послѣ второго его концерта я ушелъ совершенно разочарованный. Онъ вступилъ на совершенно ложный путь, который привелъ бы къ гибели его талантъ.

Со Скрябинимъ случилось то, что происходитъ со всякимъ крупнымъ дарованіемъ, идущимъ противъ общаго течения.

Съ первыхъ же шаговъ его музыкальной жизни вокругъ его имени образовались двѣ враждующія партіи: одни бранили его нещадно, другіе же буквально обожествляли его, видя въ немъ провозвѣстника новаго искусства. Среди послѣднихъ была вся наша музыкальная молодежь: по крайней мѣрѣ всѣ первыя произведенія еще не оперившихся въ музыкальномъ отношеніи юнцовъ были непременно „подъ Скрябина“. Старая школа рѣшительно не признавала Скрябина. Наши почтенные композиторы Н. О. Соловьевъ и Ц. А. Кюи отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ, несомнѣнно одаренномъ, но пошедшемъ по явно невѣрному пути. Однако, несмотря на принципиальныя расхожденія съ покойнымъ, весь музыкальный міръ отдалъ должное его заслугамъ. И сторонники, и противники Скрябина соединились въ тихой скорби о его безвременной кончинѣ.

Общую печаль грубо нарушило только „Новое Время“, эта ультра-патріотическая газета, съ такимъ усердіемъ ратующая за все русское и въ то же время такъ ревностно преслѣдующая всякое русское начинаніе. Въ отместку за то, что Скрябинъ не слѣдовалъ добрымъ заветамъ музыкальнаго критика „Новаго Времени“, г. Иванова, газета въ небольшомъ некрологѣ напечатала чернымъ по бѣлому слѣдующее: „...Пока же можно сказать, что покойный композиторъ не былъ оригинальной личностью въ искусствѣ(?!). Такъ какъ число декадентовъ все увеличивается, то Скрябинъ послѣд-

нихъ дѣтъ находилъ сочувственный пріемъ у людей этого толка не только у насъ, но и за границей“. „Образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, котораго, кажется, не окончилъ“ (подумайте, какая бездѣриость!) и т. д. Но свѣтлой памяти Скрябина „Новое Время“ не загрязнить своими выходками.

Обратимся къ музыкальной личности Скрябина и прослѣдимъ ту эволюцію, которую совершила его творческая натура.

Особенностью скрябинскаго звукосозерцапія (слово Римскаго-Корсакова) является его удивительная „мистическая“ гармонія, пѣть созданная и проведенная въ жизнь. Какъ извѣстно, вся наша музыка построена на трезвучіи до-ми-соля, состоящемъ изъ 1-го, 2-го и 4-го обертоновъ (привзвучковъ). Скрябинъ отказывается отъ прежней гармонической основы и создаетъ изъ высшихъ обертоновъ (8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 13-го и 14-го) новый „синтетическій“ аккордъ, на которомъ строятъ зданіе новой музыки. Эти шесть звуковъ, расположенные по квартамъ, даютъ звукосочетаніе до, фа-дизъ, си-бемоль, ми-ла-ре, которое Скрябинъ принимаетъ за консонансъ. (Вначалѣ это утвержденіе казалось вздорнымъ—по старой музыкѣ скрябинскій аккордъ представляетъ собою сильнѣйшій диссонансъ,—но потомъ многіе музыканты привыкли къ нему, но крайней мѣрѣ пишущій эти строки ощущаетъ его вполне консонирующе.) Новый аккордъ даетъ громадный матеріалъ для самыхъ неожиданныхъ „неземныхъ“ гармоній. Богатство этого аккорда прежде всего количественное: вмѣсто трехъ звуковъ онъ заключаетъ шесть.

Созданная Скрябинимъ новая музыка—какъ бы много измѣренія: въ ней нѣтъ ни мажора, ни минора; понятіе о модуляціи въ нашемъ смыслѣ также исчезаетъ. Насколько уда-

Питательный пункт.

лена скрябинская музыка от нашей, показывает хотя бы тот факт, что в скрябинской гамме (образованной также из упомянутых шести обертонов) отсутствует доминанта — доминанта, необходимая даже для того, чтобы сыграть „чужака“!

Первое исполнение „Прометея“ возбудило в свое время бурю негодования и неслыханек. „Помилуйте, да это — сплошная какофония, этого слушать нельзя“, — говорили многие. Но это конечно только у нас. В Лондоне „Прометей“ исполнялся на специальном концерте два раза — в начале и в конце вечера (остроумный прием, позволяющий публике лучше разобраться в новом произведении), и англичане не нашли в нем ничего, оскорбляющего слух.

Нужно заметить, что новая музыка отнюдь не является продуктом „головных“ измышлений Скрябина — в таком случае она потеряла бы всякую действительную ценность. Скрябин дошел до нее чисто витрутинным путем. Синтетический аккорд в зачаточном состоянии находится и в значительно более ранних произведениях Скрябина. Уже в некотором пристрастии к ноньяккорду с повышенной квинтой намечается его основание, а в наиболее вдохновенных местах он появляется целиком (как например во 2-м прелюдии 37-го opus'a). В неполном виде двухквартный он имеется в Désin и во многих мелких фортепианных вещах.

В общем сферой невозможно подробно проследить шаг за шагом музыкальное развитие Скрябина. Достаточно

будет указать на вершины: „Божественная Поэма“, „Поэма Экстаза“ и „Поэма Огня“, или „Прометей“. Эти три оркестровых вещи сопровождаются каждой программой, раскрывающей их философский смысл. „Божественная Поэма“ представляет собою „эволюцию Духа“ — Духа, освобождающегося от ужасов отчаяния, от всего своего прошлого, полного таинственных образов и вѣрований, которые он превозмогает и разрушает, чтобы наконец достигнуть утверждения своего радостного божественного „я“. Ту же самую радость творчества, радость самоутверждения личности, прославляет и более поздняя „Поэма экстаза“. Автор пытается дать музыкальное воплощение каждому стремлению творческого Духа. Так, трубе поручена тема свободной воли, кларнету — мечта о творчестве. Борьбой тем Духа и темных, сила исчерпывается идейное содержание поэмы. Побьждает Дух. Валторны и трубы радостно возглашают победу Духа, поднимаясь в страшных выкриках до высшего предела. Обрываются все темы — и наступает экстаз. „Пожаром всеобщим объята вселенная. Дух на вершинах бытия“. Заключительный аккорд поэмы знаменует собою радостный крик Духа, оглашающий вселенную: „Я есмь“.

Идея борьбы духа за самоутверждение должна была получить свое завершение в „Поэме Огня“. Автор призвал на помощь все инструменты (также фортепиано), доведя оркестр до небывалого состава. Мистическая гармония проведена здесь с полной последовательностью и логичностью.

Въ партитурѣ есть также строчка для „свѣтового инструмента“. У Скрябина, какъ и у многихъ композиторовъ, была очень сильна т. н. „окраска звуковъ“. Каждый музыкальный звукъ представлялся ему окрашеннымъ въ определенный цвѣтъ. При помощи еще неизобрѣннаго инструмента онъ задумалъ измѣнять свѣтовые тона въ залѣ соответственно гармоническимъ переходамъ исполняемой вещи. Но мысли автора въ концѣ симфоніи залъ долженъ потонуть въ волнахъ яркаго, ослѣпительнаго свѣта, въ то время какъ стоголосый хоръ провозглашалъ безъ словъ на гласную „а“ основную тему самоутвержденія творческаго духа. Но помимо того, что явленіе окраски звуковъ—вещь крайне субъективная (напримѣръ у Римскаго-Корсакова „цвѣтной слухъ“ былъ совершенно иной, нежели у Скрябина) и слѣдовательно цвѣтотворныя измѣненія не ассоциировались бы у каждаго съ данными гармоніями, а могли бы произвести совершенно обратное, даже комическое впечатлѣніе,—помимо этого задача равномернаго окрашивания всего зала въ данные цвѣта едва ли будетъ когда либо осуществима.

Скрябинъ мечталъ воплотить полный сингезъ всѣхъ искусствъ въ будущей „Мистеріи“, „грандиозномъ священнодѣйствіи, гдѣ для цѣлей экстагическаго подъема будутъ использованы всѣ средства возбужденія, всѣ „ласки ощущенія“, отъ музыки до танца и отъ игры свѣта до симфоніи

ароматовъ включительно“. Смерть не дала ему выполнить этотъ замыселъ.

За свои 43 года жизни Скрябинъ написалъ около 200 фортепьянныхъ и 6 симфоническихъ произведеній (всего 74 opus'a). Кроме композиторской дѣятельности, Скрябинъ отдавалъ свои силы также и артистическому служению. Въ молодые годы онъ много концертировалъ, въ послѣднее же время выступалъ исключительно какъ исполнитель своихъ собственныхъ вещей. Критики находили много недостатковъ въ его игрѣ и ставили ему въ упрекъ неясность и скомканность его исполненія. Какъ pianist-виртуозъ, онъ дѣйствительно не достигъ высшей ступени совершенства—съ этимъ нельзя не согласиться, но какъ интерпретаторъ своихъ произведеній онъ былъ незамѣнимъ. Его худенькая, небольшая фигурка удивительно гармонировала со странными экзотическими вещами, которыя онъ игралъ. Какъ и они, Скрябинъ былъ весь—порывъ, весь—стремленіе, и когда онъ бралъ заключительный, какъ бы вопрошающій аккордъ, то отъ экстаза иногда самъ даже подскакивалъ на стулѣ, и на лицѣ у него появлялось также „вопрошающее“ выраженіе. И только когда, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, онъ снималъ руки съ рояля, публика разражалась бѣшеными аплодисментами, привѣтствуя своего любимца, давшаго ей столько новыхъ, неизвѣданныхъ настроеній и наслажденій.

Николай Слонимскій.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Письма со стороны.

III.

Почти всегда уходишь изъ театра съ чувствомъ разочарованія и досады. И это понятно. Нуженъ или такой актеръ, какъ Сальвини, такая актриса, какъ Ермолова, чтобы все забыть вокругъ и отдаться покорно гипнотизирующему трагическому голосу „одержимаго“ художника, или нужна такая гармонія всей постановки, такое согласіе драматурга, актеровъ, режиссера, какого почти никогда не бываетъ. Я такую гармонію наблюдалъ, признаюсь, очень рѣдко—вотъ развѣ при постановкѣ „Балаганчика“ Блока въ театрѣ В. О. Коммиссаржевской.

Въ современномъ театрѣ почти всегда скучно. Но вотъ недавно смотрѣлъ я „Зеленое кольцо“ З. Н. Гиппиусъ, и не только не скучалъ, но ушелъ изъ театра какъ-то хорошо растревоженный и, быть можетъ, пойду опять смотрѣть эту странную пьесу.

Прежде всего долженъ сказать, что „Зеленое кольцо“ рѣшительно выходитъ за предѣлы эстетическихъ категорій. Эстету просто нечего дѣлать съ этимъ „кольцомъ“. Авторъ до того скупъ въ своемъ творествѣ, что тотъ, кто ищетъ въ искусствѣ „радость“, этой радости совсѣмъ не найдетъ. Примѣчательно однако, что у драматурга не было повидимому и заданія такого, ни малѣйшей попытки „украсить“ пьесу. А между тѣмъ я жадно слушалъ этотъ строгій, къ одной цѣли направленный діалогъ, смотрѣлъ съ неотступнымъ интересомъ сцену за сценою, гдѣ все—какое-то одно устремленіе, одинъ порывъ. Мнѣ кажется, что очарованіе „Зеленаго кольца“ именно въ этомъ исключительномъ единствѣ устремленія. Душа автора куда-то летитъ. Вотъ этотъ полетъ и

волнуетъ, и увлекаетъ. Какъ будто видишь малую, хилую птицу съ огромными бѣлыми крыльями и сначала не вѣришь, когда крылья влчаться въ земной цыли, что этой птицѣ дано летать въ лазурь, а потомъ съ изумленіемъ слѣдишь за солнечнымъ полетомъ.

Конечно все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть на „Зеленое кольцо“. Если придти въ театръ съ определеннымъ намѣреніемъ ни о чемъ не догадываться и ни во что не вѣрить, тогда конечно въ „Зеленомъ кольцѣ“ увидишь только нѣсколько неожиданную фабулу, услышишь несовсѣмъ ребяческія рѣчи подростковъ и почувствуешь, какъ укоръ, тенденцію автора. Но есть другая, болѣе счастливая для зрителя возможность—стать на точку зрѣнія автора, и тогда, я думаю, даже не соглашаясь съ нимъ, можно понять его въ известной мѣрѣ. А такъ понявъ, нельзя не оправдать все это его драматическое дѣло.

У меня, признаюсь, былъ иной опытъ, то есть я не только извѣсть понялъ, что хотѣлъ сказать авторъ, но и какъ-то неволью согласился съ нимъ. Я согласился съ тѣмъ, что цѣломудренной дунѣ дѣвушки и отрока сегодня, въ началѣ XX вѣка, невозможно принять покорно тѣ формы брака, сопутствующаго развратомъ, тяжелымъ и коснымъ, какія существовали до сихъ поръ. Да и счастливый бракъ, вѣрный и прочный, можно ли принять? Здѣсь что-то неладно, что-то неблагополучно. Игорія Дафниса и Хлои не вмѣстятся въ вашъ новый любовный опытъ. Идиллія никакъ не получится. И даже любовныя муки Тристана мы теперь понимаемъ какъ-то „ретроспективно“.

Вотъ объ этомъ, мнѣ кажется, и говоритъ пьеса З. Н. Гиппиусъ. Отвращеніе къ этимъ формамъ брака и „любови“ такъ остро и такъ напряженно въ „Зеленомъ кольцѣ“, что неволью является мысль о монашеской точкѣ зрѣнія. Нѣтъ ли тутъ подъ новою маскою ветхихъ и мрачныхъ идей того же право-

Развлечения выздоравливающих в английском госпитале.

славнаго аскетизма? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Надо прислушаться къ тому, о чемъ ленечутъ эти подростки изъ „Зеленаго кольца“. Въ томъ-то и дѣло, что цѣломудріе—не аскетизмъ. Пусть наввно, пусть нескладно, пусть безумно даже все это, весь этотъ отказъ отъ вчерашней семьи. Но зато здѣсь есть вѣрность заповѣди: будьте какъ дѣти. И въ шутовомъ разговорѣ съ дядею Микой, когда кто-то спрашиваетъ, а какъ быть, если дядя Мика въ самомъ дѣлѣ влюбится въ Фимочку, и ему отвѣчаютъ, что тогда надо будетъ „страдать“; и въ поцѣлуѣ двухъ влюбленныхъ подростковъ; и въ самомъ непонятномъ веселомъ возбужденіи этихъ чѣмъ-то взволнованныхъ юношей,—во всемъ есть духъ новый, чуждый простого и высокомернаго отрицанія любви и жизни.

Борисъ Кремнезь.

Критика съ погоста.

(Борисъ Садовской. „Озимь“. Статьи о русской поэзии. Петроградъ, 1915 г.)

Въ разсказѣ А. М. Ремизова „Жертва“ изображенъ очень странный господинъ. Въ обществѣ живыхъ людей онъ томится, скучаетъ, дѣлаетъ и говоритъ всяческія нелѣпости и несообразности, но, стоитъ кому нибудь поблизости умереть, онъ спѣшитъ ко гробу умершаго и съ наслажденіемъ созерцаетъ черты покойника. Въ концѣ разсказа разъясняется, что описанный господинъ вѣдь себя такъ странно потому, что—вслѣдствіе нѣкотораго, весьма запутаннаго, случая—онъ

только по видимости былъ живымъ, на самомъ же дѣлѣ давно былъ покойникомъ.

Какой „странный случай“ произошелъ съ г. Садовскимъ, мы не знаемъ, но что онъ—„сродни“ ремизовскому герою, это—несомнѣнно. Всегда во всѣхъ его писаніяхъ было явственно видно тяготѣніе къ „покойничкамъ“ и упорное нерасположеніе къ живой жизни, къ современности. Безспорно современность можно не только любить, но и ненавидѣть, и даже чаще ненавидѣть, чѣмъ любить. Но отрицать всю современность во имя прошлаго, уже свершившагося, живой человѣкъ просто не можетъ. Съ другой стороны, для истинно живого ума и прошлое не мертво до конца, и его онъ связываетъ съ настоящимъ и вовлекаетъ въ борьбу живыхъ силъ. Такъ наиримѣръ поступали съ поэтами прошлаго всѣ истинно-живые критики, такъ Писаревъ въ свое время боролся съ Пушкинымъ, такъ Мережковский борется нынѣ съ Тютчевымъ. Несмотря на огромнае несходство этихъ писателей, ихъ сближаетъ одно: оба они боролись съ живыми, върнѣе,—съ безсмертными людьми, обонъ не было дѣла до труповъ Пушкина и Тютчева. Въ ихъ борьбѣ нѣтъ противопоставленія мертваго живому, но нѣтъ и обратнаго противопоставленія: для Писарева Пушкинъ—живой, и ненависть критика къ великому поэту принесла послѣднему больше добра и славы, чѣмъ та „любовь“ къ нему, которую проявляютъ нынѣ „пушкинианцы“, пишущіе цѣлыя книги о запятыхъ и двоеточіяхъ въ сочиненіяхъ Пушкина. Борисъ Садовской въ своихъ критическихъ упражненіяхъ—да и вообще

во всемъ своемъ творествѣ—поступаетъ совѣтъ не такъ, какъ поступали критики, названные выше. Для г. Садовского неинтересны, неважны, а, быть можетъ, даже и незамѣтны въ Пушкинѣ или Фетѣ черты, сближающія и связывающія ихъ съ современностью и—черезъ нашу современность—съ будущимъ. Для него Пушкинъ, Фетъ и даже Денисъ Давыдовъ,—а заодно ужъ и время, когда они жили,—являются неприкосновеннымъ идеаломъ. Онъ не утверждаетъ и не отрицаетъ поэтовъ прошлаго, онъ просто бережетъ ихъ книги, любитъ ими, а при случаѣ бьетъ ими по современности. Порой онъ обронитъ любезное слово по адресу какого нибудь современнаго писателя или дѣятеля, но его „комплименты“ сути его писаній не мѣняютъ. Все хорошее и достойное—въ прошломъ; въ настоящемъ все—тлѣтъ, пошлость и мерзость; вотъ послѣдняя и постоянная мысль всѣхъ писаній г. Садовского. Называть все современное пошлостью и мерзостью,—какъ это дѣлаетъ г. Садовской,—можно только вслѣдствіе непониманія. Вѣдь и ремизовскій герой томился и говорилъ нелѣпости среди живыхъ, потому что,—будучи покойникомъ,—понимать живыхъ не могъ; „покойнички“, лежаще въ гробахъ, были ему много понятнѣе, и ими онъ отъ души любовался. Ему было все равно, кто лежитъ въ гробу: Денисъ Давыдовъ или Пушкинъ, ибо ни любви настоящей, ни ненависти у него не было и быть не могло. Лежать тихие, тлѣютъ, не надо съ ними ни спорить, ни бороться. А отъ живыхъ—одна досада: суетятся, толкуются, шумятъ, не понимаютъ, что надо лежать тихо, что тлѣтъ сладко. Точь-въ-точь съ такими ощущеніями и мыслями всегда подходилъ къ современности и г. Садовской. Особенно же ясно его „покойническое“ отношеніе къ міру сказалось въ его новой брошюркѣ „Озимь“. Отъ Бальмонга и Брюсова до Вербицкой и „футуристовъ“—все, по его мнѣнію, въ современности плохо, низменно и уродливо. Поэзия Брюсова—„мяукавье павіана“ (стр. 44), Бальмонтъ „нейдетъ дальше коньяка и флирта“ (стр. 23), „вся современная журнальная литература—болотная плѣсень“ (стр. 26), „давно вся литература русская превратилась въ пусой огромный коконъ, гдѣ ткутъ дрянную и гнусную паутину ариановы“ и пр. (стр. 27) и т. д., и т. д. Спора нѣтъ, въ современности много дурного, допустимъ даже, что въ области литературы сейчасъ дурного гораздо больше, чѣмъ хорошаго. Гдѣ же искать избавленія, кто принесетъ его? А вотъ кто: „въ деревенской глуши, въ городкахъ уѣздныхъ, на постоялыхъ дворахъ, на родительскихъ погостахъ“*), сидятъ тѣ, кому дано двинуться, обновить Россію и освободить ея искусство и языкъ“. Отвѣтъ невѣроятный въ устахъ живого человѣка, но г. Садовской отвѣчаетъ именно такъ („Озимь“, стр. 28). По его мнѣнію, Россію обновятъ тѣ, кто „сидятъ на родительскихъ погостахъ“! Мертвецъ проговорился, душа покойника не вынесла „зеленаго шума“ и завывла по тишинѣ „родимыхъ могилочекъ“. Защищать уродства „городской культуры“—небоскребы и футуризмъ, развратъ и переразвитіе механики—отъ чьихъ бы то ни было нападокъ нельзя, ибо уродство всего этого очевидно. Но и самый вонючій небоскребъ все же благоустроенъ самаго прекраснаго въ мірѣ погоста, самый низкій и пошлый жупой человѣкъ все же ближе и дороже намъ, чѣмъ трупъ величайшаго гения и праведника.

Возмутительно, когда „футуристы“ во имя собственной

бездарности отрекаются отъ безсмертныхъ гениевъ прошлаго, но во много разъ возмутительнѣе, когда отрицаютъ современность во имя „родительскихъ погостовъ“. „Творчество“ людей, подобныхъ г. Садовскому, представляетъ собою такое отрицаніе. Устремленіе къ прошлому у нихъ сильнѣе устремленія къ будущему, а потому и настоящее для нихъ нерадостно и незначительно. Какая радость, какое наслажденіе можетъ быть въ жизни, когда все великое уже умерло, отбыло, отцвѣло?! Что тутъ можно дѣлать? Развѣ пойти „на могилку Дениса Давыдова“, усѣсться на ней и жуткимъ мертвецкимъ воемъ обличать „пошлую современность“.

Не за „футуристовъ“ и не за Валерія Брюсова, „поэрамленныхъ“ г. Садовскимъ, поднимаемъ мы нашъ голосъ, а за жизнь—вѣчную, непрерывную и даже въ уродствѣхъ вышнемъ внутренне-прекрасную! Пушкинъ—не врагъ намъ и нашей современности, а другъ, быть можетъ, болѣе близкій, чѣмъ своимъ современникамъ, но до костей его, тлѣющихъ на какомъ-то погостѣ, намъ дѣла нѣтъ! Пусть сидятъ тамъ герой ремизовскій „Жертвы“ и Борпсъ Садовской. Можно и должно бороться съ уродствами въ литературѣ, нельзя отказываться отъ любви къ безсмертному прошлому, но ждать, что спасеніе придетъ „съ погостовъ“ и битъ костями мертвецовъ по живымъ людямъ живонъ человѣкъ не можетъ.

Иванъ Чернохлѣбовъ.

„Находка“.

„Новый автографъ Пушкина—находка въ старинномъ альбомѣ“—объявляетъ г. Б. Садовской въ послѣднемъ № журнала „Лукоморье“ и описываетъ, листокъ за листкомъ, этотъ альбомъ, принадлежавшій нижегородскому помещику Остафьеву.

„Теперь, — торжественно вѣщаетъ наконецъ г. Садовской,—мы приблизились къ послѣднему по времени листку альбома съ автографомъ А. С. Пушкина.

„Намъ приходится разочаровать читателя, ожидающаго встрѣтить новое стихотвореніе Пушкина: это—точно стихи, но не Пушкина, а Державина, и только переписанные пушкинскою рукою“.

Что это за стихи Державина, г. Садовской не говоритъ. Ему видно не хочется договаривать до конца. Наверное когда нибудь, въ какомъ нибудь другомъ изданіи, онъ вернется къ своему „небывалому происшествію, неожиданному извѣстію“ и откроетъ дорогую тайну.

Намъ въ свою очередь приходится разочаровать г. Садовского.

Его „находка“ давно извѣстна.

Альбомъ Остафьева былъ предметомъ сообщенія, читанаго А. А. Савельевымъ въ засѣданіи нижегородской ученой архивной комиссіи, въ февралѣ 1902 г. Объ этомъ упоминалось въ тогдашнихъ нижегородскихъ газетахъ (см. также „Литературный Вѣстникъ“, т. III, кн. II, 1902 г., стр. 251).

Запись Пушкина—„Послѣдніе стихи Державина“ („Рѣка время въ своемъ стремленьѣ...“) — датирована: „26 января 1830 г., Болдино“.

Который это ужъ разъ г. Садовской попадаетъ со своими „открытіями“, побывавшими въ печати, и стилизациями, взятыми прямо изъ „Русской Старины“? Неисправимъ, хоть брось!

Старый читатель.

*) Разрядка наша.

ПРИ ПЕРЕМЕНЕ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адрес и обязательно **ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) КОП.** почтовыми марками и **СТАРЫЙ АДРЕС**, наклеиваемый на обложку журнала, или сообщать его письменно.

Лицам, желающим составить с помощью самой незначительной затраты **ИНТЕРЕСНУЮ и РАЗНООБРАЗНУЮ БИБЛИОТЕКУ**, издательство А. А. Каспари предлагает в огромном выборе остатки изданий исторических и современных романов, повестей и рассказов лучших русских и иностранных писателей

по особо УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦЕНЕ.

- Авантюристка. Историческ. ром. В. Святлова. 197 стр. Ц. 30 к.
Басушкины внушения. Пов. Е. О. Дубровиной. Ц. 15 к.
Безкровная месть. Истор. ром. Е. О. Дубровиной. 264 стр. Ц. 30 к.
Безъ права. Ром. М. Жеребковой. Фейя. Пов. А. Д. Апраксина. 128 стр. Ц. 40 к.
Близкие. Ром. И. А. Строева-Поллина. 128 стр. Ц. 25 к.
Боевая страда (отъ Плевны до Шипки). Романъ въ 3 ч. В. И. Немировича-Данченко. Ц. 50 к.
Большая вѣтвь. Ром. М. Жеребковой. 112 стр. Ц. 25 к.
Вѣликий, В. Г. Его жизнь и значение для русской литературы и русского общ. Ц. 15 к.
Внушение. Расск. И. Волховского. 94 стр. Ц. 20 к.
Во власти золота. Ром. Л. А. Чарской. 176 стр. Ц. 25 к.
Впередъ. Ром. Вас. Немировича-Данченко. 308 стр. Ц. 35 к.
Въ вратахъ адама. Ром. В. Я. Святлова. 124 стр. Ц. 30 к.
Въ добрый путь. Ром. А. А. Соколова. 240 стр. Ц. 30 к.
Въ дыму пожаровъ. Истор. ром. В. А. Радича. 230 стр. Ц. 30 к.
Въ пасти дракона. Романъ А. И. Красникова. 640 стр. Ц. 1 руб.
Въ паутинѣ. Пов. С. А. Миклашевской. Ц. 15 к.
Въ столичномъ туманѣ. Угол. романъ Л. А. Чарской. Ц. 20 к.
Въ паутинѣ любви. Угол. ром. Н. Э. Гейнце. 264 стр. Ц. 40 к.
Въ чадѣ любви. Ром. С. А. Миклашевской. 272 стр. Ц. 50 к.
Въ чужомъ гнѣздѣ. Ром. С. А. Миклашевской. 208 стр. Ц. 40 к.
Гдѣ Богъ и правда. Истор. пов. П. И. Полевого. 236 стр. Ц. 30 к.
Господа коммерсанты. Ром. А. Газухина. 168 стр. Ц. 25 к.
Гордая воля. Ром. К. В. Назарьевой. 160 стр. Ц. 25 к.
Горный ручей. Пов. Г. И. Яенинского. 240 стр. Ц. 30 к.
Гроза Византии. Истор. романъ А. И. Красникова. Ц. 35 к.
Грѣхи прошлого. Ром. А. Газухина. 128 стр. Ц. 30 к.
Два богатыря. Истор. ром. А. И. Красникова. 208 стр. Ц. 50 к.
Два силы. Ром. А. Д. Апраксина. 224 стр. Ц. 30 к.
Для общаго блага. Повесть М. С. Серафимова. 312 стр. Ц. 60 к.
Добрый геній. Ром. А. Д. Апраксина. 192 стр. Ц. 25 к.
Дорогою цѣною. Ром. А. Д. Апраксина. 136 стр. Ц. 30 к.
Дымъ отечества. Романъ И. А. Строева-Поллина. 272 страницы Ц. 45 к.
Дядюшка Ларюнь. Романъ А. А. Соколова. 352 стр. Ц. 40 к.
Дѣти-невольники. Повесть А. Е. Зарина. — На шаткой почвѣ. Ром. М. Ф. Карагулова. — По исполнителному листу. Пов. А. И. Лаврова. 312 стр. Ц. 35 к.
Жертва Влада. Романъ М. Ф. Жеребковой. 128 стр. Ц. 25 к.
Жертва трехъ честолобій. Истор. ром. Е. О. Дубровиной. Ц. 30 к.
Жестокое испытание. Истор. ром. А. А. Арсеньева. 216 стр. Ц. 30 к.
Завѣтъ матери. Пов. М. Ф. Жеребковой. Ц. 15 к.
Заморскій выходецъ. Историческ. романъ Н. Н. Алексѣева. 272 стр. Ц. 30 к.
Зарево. Ром. В. А. Радича. Ц. 25 к.
Зародную кровь. Ром. Р. Л. Смѣльскаго. 264 стр. Ц. 40 к.
Защитникъ угнетенныхъ. Угол. ром. И. Н. Пономарева. 198 стр. Ц. 25 к.
Змѣя въ кольцѣ. Ром. А. И. Лаврова. 192 стр. Ц. 40 к.
Золотая фея. Угол. ром. А. И. Соколова. 152 стр. Ц. 30 к.
Игра судьбы. Ром. О. Ворошиной. 152 стр. Ц. 30 к.
Измѣнникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 128 стр. Ц. 40 к.
Историческіе рассказы. С. Н. Терпигорева. 875 стр. Ц. 30 к.
Ищите и найдете. Истор. ром. М. П. Волконскаго. Ц. 15 к.
Иахиль. Трагедія. — На кострѣ. Трагедія. — Не устоялъ. Фарс. 168 стр. Ц. 20 к.
Князь Борисъ Тишинъ. Ром. Е. И. Зариной. 184 стр. Ц. 30 к.
Князь Дмитрій Донской. Истор. ром. А. В. Арсеньева. Ц. 30 к.
Князь Михаилъ Вишневецкій. Истор. ром. И. Крашевскаго. 424 стр. Ц. 35 к.
Красная княгиня. Ром. А. Лаврова. 192 стр. Ц. 30 к.
Кровью, огнемъ и желѣзомъ. Истор. ром. А. А. Соколова. 192 стр. Ц. 60 к.
Кулисы. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. 172 стр. Ц. 30 к.
Курскіе порубежники. Истор. романъ В. И. Маркова. Ц. 35 к.
Къ солнцу. Современный романъ Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к.
Легкія деньги. Ром. въ 2 част. К. В. Назарьевой. Ц. 30 к.
Лишнія чувства. Повесть. — Поневолѣ. Расск. Д. Д. Минаева. 216 стр. Ц. 30 к.
Ложный слѣдъ. Романъ А. Е. Зарина. 216 стр. Ц. 30 к.
Любовь. Ром. Е. О. Дубровиной. 136 стр. Ц. 25 к.
Манджурское золото. Угол. ром. А. И. Лаврова. Цѣна 40 коп.
Маринка-безбожница. Истор. ром. П. И. Полевого. Ц. 30 к.
Мафия — царство зла. Угол. ром. А. И. Соколова. 238 стр. Ц. 40 к.
Между долгомъ и счастьемъ. Романъ В. А. Шинчука. Ц. 30 к.
Молодые силы. Повесть В. К. Булгакова. 276 стр. Ц. 25 к.
Мощь женскаго сердца. Романъ Е. О. Дубровиной. Ц. 25 к.
Мститель. Ром. К. В. Назарьевой. 24 стр. Ц. 30 к.
Муза. Ром. — Пять повестей и рассказ. Яенинскаго. 228 стр. Ц. 30 к.
На зарѣ новыхъ дней. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 216 страницъ Ц. 40 к.
На нивѣ народной. Пов. М. С. Серафимова. 424 стр. Ц. 40 к.
На огонекъ рамы. Очерки О. Н. Чумяков. 128 стр. Ц. 25 к.
На роковомъ просторѣ. Истор. романъ И. Н. Полевого. Ц. 25 к.
Неравный бракъ. Романъ В. Я. Святлова. 296 стр. Ц. 40 к.
Нечестная сила. Ром. Г. И. Яенинскаго. 262 стр. Ц. 30 к.
Ни та — ни другая. Ром. А. Крупнова. 192 стр. Ц. 25 к.
Новгородская вольница. Истор. ром. Н. Гейнце. 228 стр. Ц. 30 к.
Новые повѣсти и рассказы. 1) У Тарасовой горы. 2) Около дѣтвотъ. 3) Не поняли. 4) Степанъ Ивановичъ. Ц. 30 к.
Новый человекъ. Пов. А. А. Соколова. 248 стр. Ц. 40 к.
Новыя пѣсни. Ром. Е. Я. Святлова. 256 стр. Ц. 50 к.
Опальный. Истор. ром. въ 2-хъ част. Е. О. Дубровиной. Ц. 30 к.
Ординарный профессоръ. Пов. Г. Яенинскаго. 228 стр. Ц. 30 к.
Отецъ. Пов. В. Шинчука. Ц. 15 к.
Отецъ Алексѣй изъ Заозерья. Ром. А. А. Соколова. Ц. 30 к.
Передъ бурей. Истор. ром. В. А. Радича. 180 стр. Ц. 25 к.
Пе тербурскіе гадалки, анахари и юродивые. Ц. 15 к.
Побѣжденное сердце. Ром. И. Н. Визовскаго. Ц. 30 к.
Подъ властью тьмы и свѣта. Ром. А. И. Лаврова. Ц. 1 р.
Подъ внезапной грозой. Современ. ром. И. А. Строева-Поллина. 200 стр. Ц. 40 к.
Подъ волнами Иматры. Угол. романъ А. И. Лаврова. 208 стр. Ц. 40 к.
Подъ гнетомъ застоя. Повесть Е. О. Дубровиной. — Побѣжденный. Этюд В. Я. Святлова. — Загробная сила. Рассказъ Е. О. Дубровиной. 118 стр. Ц. 15 к.
Подъ крестомъ и Современная Цирцея. Дѣв. пов. Е. О. Дубровиной. 184 стр. Ц. 25 к.
Подъ корнемъ. Ром. А. Е. Зарина. Цѣна 30 к.
Подъ святымъ крестомъ. Ром. А. И. Заринцева. Ц. 40 к.
Покнутыи. Ром. А. А. Соколова. 144 стр. Ц. 35 к.
По наклонной плоскости. Ром. К. В. Назарьевой. 238 стр. Ц. 30 к.
По призванію. Ром. В. Я. Святлова. 208 стр. Ц. 30 к.
Потомки титановъ. Истор. ром. К. В. Назарьевой. 192 стр. Ц. 25 к.
По стопамъ Великаго Петра. Истор. ром. Красникова. Ц. 50 к.
Потроженные тѣни. Рассказы С. Атави (Терпигорева). Ц. 30 к.
Постъ-посланикъ. Истор. пов. М. Никольскаго. 128 стр. Ц. 30 к.
Право сильнаго. Ром. Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к.
Право сильнаго и Великое наследіе. Дѣв. повѣсти Е. О. Дубровиной. 160 стр. Ц. 50 к.
Предказаніе ворожей. Истор. романъ С. П. Киселева. Ц. 30 к.
Привѣтка. Пов. В. Муйжеля. — Отливъ. Расск. Ц. 20 к.
Привязанный къ боярышнѣ. Истор. ром. А. А. Соколова. 214 стр. Ц. 60 к.
Промыслъ Божій. Пов. Г. И. Крашевскаго. Ц. 30 к.
Прощѣть. Пов. В. А. Рышкова. 192 стр. Ц. 25 к.
Путеподная звѣзда. Ром. А. Газухина. 224 стр. Ц. 30 к.
Пушкинъ. А. С. Его жизнь и произвеленія. Ц. 15 к.
Разбитая жизнь. Ром. въ 2 част. Е. Зариной. 228 стр. Ц. 30 к.
Распятъ. Ром. — Тайна. Рассказъ В. Я. Святлова. 240 стр. Ц. 30 к.
Ренегатъ. Ром. А. И. Красникова. 320 стр. Ц. 60 к.
Рождена быть принцессой. Ром. В. Мейеръ. Ц. 35 к.
Токовая ошибка. Романъ К. Л. Грейль. 184 стр. Ц. 25 к.
Россия подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Истор. очеркъ А. А. Соколова. съ портр., карт. и родословной таблицей. Ц. 50 к.
Свѣтъ во мракѣ. Пов. и рассказы В. И. Немировича-Данченко. Ц. 40 к.
Свѣтъ погасъ. Ром. Г. И. Яенинскаго. 192 стр. Ц. 30 к.
Семья Колѣвинныхъ. Романъ и М. Волконскаго. 168 страницъ Ц. 25 к.
Сердце скажетъ. Ром. Г. И. Яенинскаго. 240 стр. Ц. 30 к.
Сестра милосердія. Истор. ром. А. Соколова. 624 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Сила неопытности. Ром. А. Шинчука. 192 стр. Ц. 40 к.
Сильфиды. Истор. ром. въ 4 част. И. Потапенко. 460 стр. Ц. 65 к.
Сирена. Истор. ром. ил. М. Н. Волконскаго. 288 стр. Ц. 50 к.
Слово и дѣло. Ром. П. И. Потапенко. 240 стр. Ц. 30 к.
Сожженные степи. Истор. ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к.
Солнце встанетъ. Романъ Л. А. Чарской. 160 стр. Ц. 30 к.
Столичные тайны. Ром. А. И. Лаврова. 478 стр. Ц. 1 р.
Съ живого кожу. Истор. ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к.
Сѣрые герои. Романъ А. Е. Зарина. 240 стр. Ц. 30 к.
Тайна. Романъ А. А. Соколова. Ц. 30 к.
Тайный врагъ. Истор. ром. Н. И. Алексѣева. 192 стр. Ц. 30 к.
Тальянская чертовка. Истор. пов. П. И. Полевого. 212 стр. Ц. 30 к.
Тамъ и здѣсь. Ром. И. А. Строева-Поллина. 176 стр. Ц. 40 к.
Татарскій отпрыскъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 282 стр. Ц. 35 к.
Театральныя болота. Ром. А. А. Соколова. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Темный блескъ. Романъ В. Я. Святлова. 160 стр. Ц. 35 к.
Тихія радости. Ром. А. Д. Апраксина. 166 стр. Ц. 35 к.
Тяжелымъ путемъ. Романъ П. Митропольскаго. 112 стр. Ц. 30 к.
Убийство и постояломъ дворѣ. Романъ Г. И. Яенинскаго. Ц. 35 к.
Удастся-ли? Пов. В. Григорьева. 272 стр. Ц. 30 к.
У Покрова въ Левшинѣ. Пов. графа П. А. Валуева. Ц. 25 к.
Утопія. Повесть В. Я. Святлова. Ц. 15 к.
Учитель. Повесть Г. И. Яенинскаго. 104 стр. Ц. 20 к.
Царица хунгузовъ. Ром. А. И. Лаврова. 160 стр. Ц. 40 к.
Царскій соколъ. Истор. рассказъ А. Е. Зарина. — Отживающіе типы. Рассказы Е. О. Дубровиной. — Комедійное дѣйство. Пов. XVII в. Минаева. Ц. 40 к.
Царь — работникъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 248 стр. Ц. 40 к.
Черезъ двѣдцать лѣтъ. Ром. Е. О. Дубровиной. 304 стр. Ц. 30 к.
Чудная. Романъ Е. О. Дубровиной. 184 стр. Ц. 25 к.
Чудо-богатыри. Истор. ром. А. И. Красникова. 248 стр. Ц. 50 к.

Требования и деньги адресуются: С.-Петербургъ, Лиговская улица, д. № 114, КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ.

При выпискѣ книгъ этой серіи (по особо удешевленной цѣнѣ) на сумму въ десять рублей и болѣе дѣлается уступка въ десять процентовъ. При выпискѣ книгъ изъ провинціи покорнѣе просить гг. заказчиковъ обязательно указывать ближайшую ПОЧТОВУЮ СТАНЦІЮ, что безусловно необходимо ввиду того, что всѣ книги высылаются только заказными бандеролями или посылками.

Книги высылаются также и наложеннымъ платежомъ, но не менѣе, какъ на одинъ рубль, причѣмъ при выпискѣ книгъ съ наложеннымъ платежомъ необходимо выслать въ зачетъ половину стоимости всего заказа. За каждое требование съ наложеннымъ платежомъ прибавляется десять коп. къ стоимости книгъ.

Цѣны на всѣ объявленныя здѣсь книги назначены съ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательны ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-мя книгами или 50-ю книгами сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО. Ввиду высокой цѣнности для культуры мира творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особенное внимание на тщательность печати и изящество внѣшнего вида полного собрания его сочинений.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ И ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Екъ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:
РОМАНЫ И ПОВѢСТИ:—„Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казаки“, „Утре помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“—**РАЗСКАЗЫ:**—„Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холстомеръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.
ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.
ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Халжи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василий“, „Кто убійца?“, „Гермонахъ Исидоръ“, „Холынка“ и проч.—**ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ ДЛЯ НАРОДА:**—„Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кашился грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—„Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское учене“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**КРУГЪ ЧТЕНІЯ:**—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ
ввидѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.
„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ целью соединить художественность съ занимательностью, серьезность съ общедоступностью.
Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, этюды, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.
Въ литературѣ „Голоса Жизни“ стрекса къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объективному демократическому и прогрессивному злѣнію русскаго общества.
Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.
„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.
Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.
Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусянина, Б. Верхоустинаго, З. Гиппиуса, С. Гордещнаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карацаровой, Д. Крачновскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Рошнина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.
Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецнаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнаго, Д. Левина, Н. Ларнера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.
Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Вилибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нежитайло-Андріенно, И. Рерихъ, И. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
52 №№ художеств.-литературн. журнала и
82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.
Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акт. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)
„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года
52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой войны, съ интересными рассказами—новинками русско и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ
66 ПРИЛОЖЕНІЙ
52 №№ „СМѢХЪ и САТИРА“, а также
12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и
82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 7 р. 50 к.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и
50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
Льва Ник. ТОЛСТОГО
(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.